

ВЕСТНИК государственного университета «Дубна»

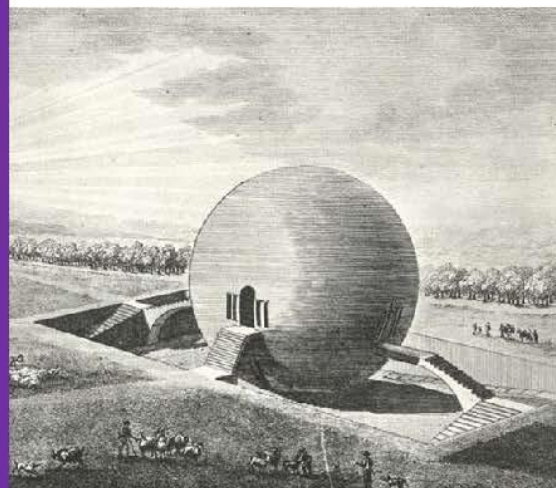
#4 2019

Серия
«Науки
о человеке
и обществе»

Электронный
научный
журнал

Тема номера:
АРХИТЕКТУРА В СОЦИО-ПРИРОДНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Редколлегия

Багдасарьян Н.Г., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и гуманитарных наук – **главный редактор**

Боклагов Е.Н., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук – **заместитель главного редактора**

Ющенко Д.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, зам. зав. кафедрой психологии по научной работе – **редактор**

Воинова А.А., ассистент кафедры социологии и гуманитарных наук – **ответственный секретарь**

Члены Редколлегии:

Шимон И.Я., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук

Мещеряков Б.Г., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, научный руководитель кафедры психологии

Хозиев В.Б., доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой клинической психологии

Михайлова Н.В., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории права

Венгер А.Л., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии

Марченко Т.А., доктор медицинских наук, профессор, зав. кафедрой социальной работы

Ответственный редактор номера –

Н.Г. Багдасарьян, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и гуманитарных наук государственного университета «Дубна».

В оформлении обложки использованы работы (слева по часовой стрелке):

Проект «строительно-ботанической» (Baubotanic) структуры с «живым» фасадом, призёр берлинского конкурса «Дом будущего». Архитектурное бюро ludwig.schönle (Изображение: ludwig.schönle, 2012).

Клод-Николя Леду. Проект идеального города Шо. Дом садовника. 1804. Гравюра. Национальная библиотека, Париж.

Яков Черников. Динамическая конструкция наклона. Композиция № 156 из цикла «Основы современной архитектуры». 1925-1930. Бумага, тушь, карандаш. Архив-коллекция Архитектурного благотворительного фонда имени Якова Черникова.

Содержание

Колонка редактора

Багдасарьян Н.Г. Архитектура в социо-природном пространстве

Архитектура в социо-природном пространстве

Реут Д.В. Культурная единица и культурный фон..... 6

Морозов В.В. Фразеология концептуального поля «игра»: контрастивный анализ..... 14

Ардашева М.Е. От Grand-тура до «венчания» с Россией: образовательные
путешествия наследников российского престола..... 26

Мельникова Н.Е. Онлайн-образование в оптике отечественной и зарубежной высшей
школы..... 38

Багдасарьян Н.Г., Миронова Н.Е. Этические проблемы социологии: скрытые аспекты 46

Дмитриева С.О. Человек и природа в урбанистической среде..... 54

Пашаева С.Ю. Архитектурная доминанта как детерминанта развития..... 64

Багдасарьян Н.Г. Архитектор в социокультурном пространстве города..... 73

Хохлова С.П. Неопределимость архитектуры в теории Бенуа Гетца, Филиппа Мадека
и Крис Юнес..... 80

Проба пера

Олещенко Е.А. Иммигранты в немецком обществе: демографические ожидания и
трудности интеграции..... 88

Тема текущего номера: Архитектура в социо-природном пространстве.

Мы сгруппировали в этом сюжете 4 статьи. В них архитектура предстает как результат развития и воплощения актуальных идей и проектов современных направлений архитектурной урбанистики и экологического искусства. Основная цель таких проектов – разрешение проблем современного городского пространства, в том числе сосуществования человеческого и природного в урбанистической среде (С.О. Дмитриева).

Сделана попытка проследить взаимодействие архитектурных принципов и доминант, таких как пространство и масса, золотое сечение и квадратура круга, Север и Юг, Восток и Запад, горизонталь и вертикаль, согласно архетипическим идеям восприятия пространства как детерминант развития (С.Ю. Пашаева).

Городская архитектура рассматривается через призму социо-технических систем и соответствующих требований к профессиональным характеристикам архитектора. Подчеркивается значимость междисциплинарного подхода к образовательному процессу в высшей архитектурной школе, роль социально-философского и культурологического знания (Н.Г. Багдасарьян).

В статье С.П. Хохловой дан анализ концепции французских теоретиков архитектуры Бенуа Гетца, Филиппа Мадека и Крис Юнес, в которой осуществлена попытка освободить представление об архитектуре от излишней рационализации, технизации и однозначности через ее «де-дефиницию» и признание в качестве ее сущностной характеристики пограничности (лимитрофности).

Совокупности методологии устойчивого воспроизводства культурной единицы и предметных проекций этой методологии на любые из более, чем 70000 научных и практических дисциплин, перечисляемых современными научно-административными классификаторами, посвящена статья Д.В. Реута.

В статье В.В. Морозова представлены некоторые результаты исследований по программе проекта «Аспекты лингвистической категоризации: человек, язык, культура». В качестве примера программных исследований рассматриваются категориальные свойства английских и русских фразеологизмов, образованных на основе концепта «игра».

Две статьи посвящены образованию. Одна из них, историко-культурная, – образовательным путешествиям наследников российского престола (М.Е. Ардашева), другая – трендам в современном онлайн-образовании (Н.Е. Мельникова).

Еще две статьи написаны в социологическом ключе: первая – о скрытых аспектах этики в социологических исследованиях (Н.Г. Багдасарьян и Н.Е. Миронова); вторая, в

рубрике «Проба пера», рассматривает демографические проблемы современного немецкого общества и открытую иммиграционную политику как средство решения этих проблем (Е.А. Олещенко).

Ответственный редактор

Н.Г. Багдасарьян

Архитектура в социо-природном пространстве

УДК 316

Д.В. Реут

Культурная единица и культурный фон

Аннотация:

Понятие «культурная единица» обозначает любую социальную целостность, о которой можно говорить, как об отдельной культуре. Для нее характерны устойчивые совокупности черт, категорий, паттернов и тем, воспроизводящихся от поколения к поколению в определенных соотношениях, или культурных конфигурациях. Автор заявляет впервые методология культурной единицы (методология четвертого типа), которая содержит в себе различные виды мыследеятельности: не только исследование, но и проектирование, методологическое программирование, строительство социокультурных институтов, а также воспитание, педагогику, обучение.

Ключевые слова: культура, культурная единица, методология культурной единицы

Об авторе: Реут Дмитрий Васильевич доктор экономических наук, кандидат технических наук, МГТУ, ИБМ-2; эл. почта: dmreut@gmail.com

Преамбула

Культура в широком смысле есть «совокупность всех надбиологических форм жизнедеятельности человека и их результатов» [4]. Существуют и иные определения культуры, которые мы не беремся сопоставлять. «В любом определении культура трактуется: 1) как производная социальной жизни; искусственное окружение человека – вещественное, социально-организационное, символическое; 2) как совокупность информации, транслируемой от одних групп людей к другим; 3) как контекст совместного существования людей» [10, с. 11].

Рассматривая культуру в континуальном залоге, исследователи могут обнаружить тончайшие взаимные влияния далеко отстоящих культурных течений. Однако прочно укоренное в научном дискурсе понятие культурного явления говорит о широком

использовании в гуманитарных исследованиях также и дискретного залога. Культурология исследует в числе значимых феноменов объекты социокультурного пространства. Культурные феномены выделяются ею относительно культурного фона. Об актуальности проблемы обоснованной демаркации границ феноменов говорит возникновение нового научного предмета – лимологии.

Современность и культурная единица

Современность, эта тончайшая грань между прошлым и будущим, представляет собой, как заметил Э. Гидденс, «сокрушительную силу» [2, с. 36-39]. Ведь в ней разворачиваются разнонаправленные тренды, приводящие в движение массы людей и практически все наличные ресурсы планеты. Под современностью Гидденс понимает «способы социальной жизни или организации, возникшие в Европе начиная с XVII столетия и впоследствии оказавшие влияние на весь остальной мир» [2, с. 36-39]. Социальность у Гидденса привязана к определенному культурному ареалу. Это заставляет нас обратить внимание на заявленную в заглавии категорию культурной единицы.

В настоящее время термин «культурная единица» употребляется главным образом в таких «самодостаточных», но далеких от мейнстрима научной мысли дисциплинах, как антропология и менеджмент культурных учреждений. В антропологии при описании культуры как целого или диагностике ее состояния «...используется понятие «культурная единица», обозначающее любую социальную целостность, о которой можно говорить, как об отдельной культуре. Речь идет о том, что для нее характерны устойчивые совокупности черт, категорий, паттернов и тем, воспроизводящихся от поколения к поколению в определенных соотношениях, или культурных конфигурациях» [2, с. 83]. Конкретизируя термин «социальная целостность», мы не будем отличать его от «культурно-цивилизационной общности» [6]. Отметим также родство этого понятия с «локальной цивилизацией» в смысле А. Дж. Тойнби, под которой он подразумевает «замкнутое общество, характеризующееся при помощи двух основных критериев: религия и форма ее организации; территориальный признак, степень удаленности от того места, где данное общество первоначально возникло» [14]. На материале истории А. Дж. Тойнби выделяет до 26 локальных цивилизаций. Каждая культурная единица, в том числе – наша, имеет начало и конец во времени.

О масштабе культурной единицы

Культурная единица может оказаться крупномасштабной системой [12]. Поясним эту квалификацию. На основании анализа эмпирического материала мы предлагаем различать четыре класса систем (Рис. 1), соответствующих следующим пространствам: 1) хозяйственно-экономической деятельности, 2) социальной деятельности, 3) пространству истории, 4) планетарному пространству.

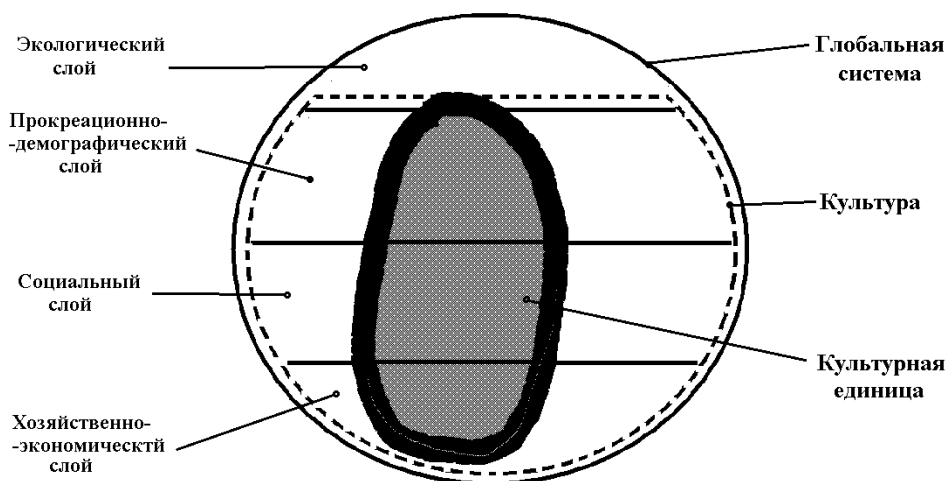

Рис. 1. Положение культурной единицы в теле культуры

Критерием отнесения системы деятельности и осуществляющего ее субъекта к тому или другому классу служат последовательные ответы на ряд вопросов: входит ли в цели рассматриваемого субъекта достижение и/или поддержание: 1) хозяйственно-экономической состоятельности, 2) также и социальной состоятельности, 3) также и состоятельности прокреационной, 4) также и состоятельности экологической? Состоятельность – способность обеспечивать в течение неограниченного времени протекание базовых процессов подсистемы и поддерживать существование обеспечивающих структур, соответствующих рассматриваемому аспекту совокупной крупномасштабной системы. Крупномасштабная система представляет собой совокупность двух и более «нарисованных друг на друге» подсистем, принадлежащих различным классам предложенного классификатора. Структура культурной единицы может захватывать хозяйственно-экономический, социальный и прокреационно-демографический слои глобальной системы. Совокупность первых трех из вышеперечисленных слоев обозначена на Рис. 1 как культура в целом. Экологический слой глобальной системы мы не будем включать в культуру, полагая его происхождение

естественным. В целях анализа в культуре могут быть различены культурные единицы, актуализированные на данном этапе развития общества: не только локальные цивилизации в смысле Тойнби, но и более мелкие единицы, хотя бы молодежные и иные субкультуры.

Смена эпох как проблема

Основной интригой XX века была борьба между трудом и капиталом за право распределения прибавочной стоимости. Люди труда не нашли адекватной организационной формы, чтобы противостоять мощи капитала и проиграли ему. Строго говоря, исчезновение с европейской арены лагеря реального социализма, так и не успевшего построить коммунизм, не является опровержением самих идей социализма и коммунизма. Но сегодня некому ставить вопрос о ревизии итогов XX века в Европе. А скоро (в историческом масштабе времени) некому будет и отвечать. Мировой Status Quo не может сохраниться по объективным причинам.

Ставка XXI века лежит уже не в экономической (как в XX в.), а в социокультурной плоскости. О том, что «культура имеет значение», заявлено давно [5]. Но только при взгляде на демографическую статистику становится ясно, что в 1980-х годах наступил **новый этап мирового развития** [11]. Сообщество развитых стран европейской культуры необратимо вырождается, грубо говоря, по причине индивидуализации сознания носителя этой культуры. Таков результат широкомасштабного социального эксперимента французских энциклопедистов XVIII века. Обобщающим показателем процесса является коэффициент рождаемости. Демографический гомеостаз обеспечивается его значением **2,17**. То есть, женщина рождает в среднем несколько больше, чем двоих детей за время своей жизни. Десятичные знаки после запятой обозначают необходимость компенсации влияния болезней, несчастных случаев и т.п. Указанное значение коэффициента рождаемости уже недоступно при сегодняшнем состоянии европейской культуры. Об этом говорят статистические данные по всем без исключения развитым странам европейской культуры. Вот относительно свежая подборка значений коэффициента рождаемости: Белоруссия – 1,21; Украина, Япония – 1,24; Италия – 1,28; Россия – 1,5; Великобритания – 1,66; Франция – 1,99; США – 2,09 [3]. Бенефициарами процесса оказываются иные цивилизационно-культурные общности планеты, где коэффициент рождаемости гораздо выше. Это – страны традиционных культур. Структура традиционных обществ за тысячелетия эволюции приняла конфигурацию, устойчиво порождающую прокреационную ренту. Она состоит в расширенном воспроизводстве

населения без специальных забот со стороны коллективного субъекта. Среди обеспечивающих этот феномен структурных особенностей мы отмечаем в первую очередь положение семьи относительно других институтов социума. Феномен прокреационной ренты позволяет правительствам соответствующих стран не прилагать усилий для повышения рождаемости. Более того, власти не имеют рычагов для ее снижения. Рядовые члены традиционного общества из поколения в поколение инвестируют наличные ресурсы в деторождение. Жизненный уровень в этих странах низок. Отсутствие достаточно многочисленного потомства означает голодную смерть в старости: пенсионной системы там нет.

Методология четвертого типа (методология культурной единицы)

Итак, сложившаяся ситуация неудовлетворительна. Может ли Европа избежать ухода с исторической арены? Что и как следует незамедлительно делать? Какие меры необходимы и какие их уровни достаточны? Какие устанавливать приоритеты и иерархии в условиях ограниченных ресурсов? Как координировать усилия в условиях непрекращающихся экономических, геополитических и идеологических конфликтов? Наличные европейские научные и практические дисциплины не дают ответов. Возникают превентивные защитные реакции осознающего себя социума европейской культурной единицы. Они порождают потребность в конструировании/выращивании типа интеллектуальной/деятельностной активности, интегрирующей ответы на перечисленные вопросы. В таком типе активности принято видеть методологию. Она не лежит в одном пространстве с существующими науками и практиками культурной единицы. Ее место – в более высоком слое абстрагирования. Функция методологии – генерировать направляющую и интегрирующую проекцию на каждую из наличных научных и практических дисциплин.

В.М. Розин различает: 1) «панметодологию», претендующую (как следует из названия) на всеобщность, 2) частные методологии, обслуживающие различные дисциплины и практики, 3) «методологию с ограниченной ответственностью». Последняя претендует на то, чтобы задавать сущность мышления, но лишь в пределах, определяемых закономерностями той или иной культуры, того или иного типа мыслящей личности. Ее рамки дрейфуют под действием культурно-исторических перемен. Ограниченность ответственности понимается в том смысле, что методология «не должна брать на себя задачу полностью определять человеческое бытие и жизнь, понимая, что это невозможно. Однако она не отказывается вносить посильный вклад (наряду с философией, наукой,

искусством, идеологией, религией, эзотерикой и т.д.) в структурирование, конструирование жизни, бытия и, конечно, мышления» [13, с. 304].

В отличие от перечисленных, заявляемая здесь впервые методология культурной единицы (методология четвертого типа) претендует не на тотальный охват всех сторон ее существования, а только на воспроизводство. Поэтому она не является «панметодологией». Исполнение сервиллистских функций может быть затребовано со стороны любой из ныне существующих научных и практических дисциплин; так что ее нельзя считать частной методологией.

Обсуждаемая форма активности транслирует посредством своей методологической составляющей не только черты, сходные с «методологией с ограниченной ответственностью», но и существенно отличные от них. Методология культурной единицы формируется с целью предотвратить распад этой единицы, сохранить ее функционирование. Это – ее главная цель, а вовсе не «посильный вклад». Провал в достижении этой цели означал бы фиаско методологии культурной единицы. Поэтому методологию культурной единицы можно охарактеризовать как «методологию с полной ответственностью».

Обсуждаемая форма активности есть совокупность методологии устойчивого воспроизводства культурной единицы (методологии четвертого типа) и предметных проекций этой методологии на любые из более, чем 70000 научных и практических дисциплин, перечисляемых современными научно-административными классификаторами. Она содержит в себе различные виды мыследеятельности: не только исследование, но и проектирование, методологическое программирование, строительство социокультурных институтов, а также воспитание, педагогику, обучение. Перечень – открытый. Пока не выявлены взаимосвязи элементов, дисциплина может выступать как корпусная [1] – собрание «мозаики» наличных текстов обозначенной выше направленности. Институционально перечисленные элементы объединяются в функциональную подсистему культурной единицы, обеспечивающую ее устойчивое воспроизводство на сменном человеческом материале, сменных технологиях и экономических укладах.

Резюме

Как известно, объяснять мир – есть позиция философии прошлого. В противоположность ей К. Маркс призывал изменить мир [9]. Однако сегодня более актуальной становится идея предохранения его от саморазрушения. Понимание необходимости заботы о сохранении окружающего нас мира можно встретить в трудах философов древности. Проблему экологии культуры, как известно, разрабатывал русский классик культурологии и искусствоведения академик Д.С. Лихачев [7], а также ряд его последователей. Наработки и рекомендации этой дисциплины безусловно необходимы для сохранения культуры, но, как мы видим сегодня, недостаточны. В 2012 году видный венгерский ученый И. Мадьяри-Бек, заявил идею обеспечивающей это предохранение активности. Идею поддержали венгерские и (благодаря инициативе Ассоциации «За венгерско-российское сотрудничество» им. Л.Н. Толстого) российские исследователи и методологи. Ежегодно проводятся международные конференции, по результатам работы которых выпускаются двуязычные коллективные монографии.

Наш долг – артикулировать проблемную ситуацию, наметить пути ее разрешения и продвинуться по ним как можно дальше [8]. Мы полагаем, что категория культурной единицы и связанный с ней инструментарий могут помочь исследователям в этом движении.

Библиографический список:

1. Выхованец В.С. Корпусной подход к теории активных систем // Теория активных систем. Труды международной научно-практической конференции (14-16 ноября 2011 г., Москва). М.: ИПУ РАН, 2011. Т. 1. С. 36-39.
2. Гидденс Э. Последствия современности. М.: «Праксис», 2011. 352 с.
3. Европейская база данных ЗДВ (HFA-DB): Европейское региональное бюро Всемирной организации здравоохранения. Режим доступа: <http://data.euro.who.int/hfadb/index.php?lang=ru> (дата обращения 03.02.2019).
4. Каган М. Философия культуры. СПб., 1966. 415 с.
5. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисон, С. Хантингтон. М., 2000. 310 с.
6. Левяш И.Я. Глобальный мир и геополитика. Культурно-цивилизационное измерение. В двух книгах. Книга 2. Минск: Беларуская навука. 2012. 409 с.
7. Лихачев Д.С. Экология культуры. Режим доступа: http://svitk.ru/004_book_book/16b/3564_lihahev-ekologiya_kulturi.php (дата обращения 03.02.2019).
8. Мадьяри-Бек И., Сюч О., Реут Д.В. Гигиена культуры как «сильная» версия ее экологии // Международный журнал исследований культуры. 2015. № 1 (18). С. 5-12.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Тезисы о Фейербахе // К. Маркс. Сочинения. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 1-4.

10. Орлова Э.А. История антропологических учений. М.: Альма Матер, Академический проект. 2010. С. 11.
11. Реут Д.В. Здоровье в аспектах управления, контроллинга, экономики, прокреации. Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co, 2012. 336 с.
12. Реут Д.В. Крупномасштабные системы: управление, методология, контроллинг. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2013. 182 с.
13. Розин В.М. Методология: становление и современное состояние. М.: Московский психолго-социальный институт, 2005. 414 с.
14. Тойнби А.Дж. Постижение истории. М.: Издательство «Прогресс», 1991. 736 с.

Reut D.V. Cultural unit and cultural background

The concept of "cultural unit" refers to any social integrity, which can be spoken of as a separate culture. It is characterized by a stable set of traits, categories, patterns and themes, reproduced from generation to generation in certain ratios, or cultural configurations. The author States for the first time the methodology of the cultural unit (methodology of the fourth type), which contains various types of social activity: not only research, but also design, methodological programming, construction of socio-cultural institutions, as well as education, pedagogy, training.

Keywords: culture, cultural unit, methodology of cultural unit

УДК 811.111-26

В.В. Морозов

Фразеология концептуального поля «игра»: контрастивный анализ

Аннотация:

В статье представлены некоторые результаты исследований по программе проекта «Аспекты лингвистической категоризации: человек, язык, культура». В качестве примера программных исследований рассматриваются категориальные свойства английских и русских фразеологизмов, образованных на основе концепта «игра». Анализируется семантика константного компонента, проводится частичный сопоставительный анализ фразеологизмов семантически близких групп в русском и английском языках. Демонстрируется, что отражение универсального концепта «игра» в языке имеет существенные лингвоспецифические особенности.

Ключевые слова: концептуальное поле, фразеологизм, лексический фон, лингвистическая категоризация, лингвокультурология

Об авторе: Морозов Владимир Витальевич, кандидат филологических наук, доцент, Государственный университет «Дубна», заведующий кафедрой лингвистики факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: v.v.morozov@inbox.ru

В данной статье обосновывается постановка исследовательских задач, определяются методы и представляются некоторые результаты исследований по программе проекта «Аспекты лингвистической категоризации: человек, язык, культура», одним из направлений которой является изучение фразеологизмов. В качестве примера программных исследований рассматриваются категориальные свойства английских и русских фразеологизмов, образованных на основе концепта «игра». В дальнейшем предполагается также изучить функционирование таких фразеологизмов в речи при категоризации явлений окружающей действительности.

В современном языкознании и лингводидактике каноническим является утверждение о том, что понимание и правильное использование фразеологии изучаемого иностранного языка являются показателями высокой степени овладения этим языком. Уже более полувека отечественное языкознание является общепризнанным лидером в

изучении фразеологии различных языков и разработкой общей теории данной области исследований [1; 3; 11; 12; 13; 15].

Так как фразеологический состав языка является «наиболее самобытной в культурно-языковом плане частью его номинативного запаса» [12, с. 9], большое внимание этой области исследований уделяет лингвокультурология. В образности фразеологизмов «отображаются характерологические черты мировидения» [12, с. 9]. По замечанию Н.И. Сукаленко «наиболее отчетливо отрефлексированы в сознании носителей языка базовые метафоры и устойчивые сравнения, в основе которых лежат как эмпирические, так и мифологические реалии» [11, с. 69]. Задачей контрастивного лингвокультурологического анализа фразеологизмов (сопоставления фразеологических составов разных языков), занимающей центральное место в предлагаемом проекте, является изучение особенностей отображения ими современного культурного самосознания сопоставляемых языковых сообществ.

Не менее важное место в программе проекта занимает работа над решением дидактических проблем освоения иноязычной фразеологии, которой до настоящего времени уделялось намного меньше внимания, чем разработке общих и частных теорий. Необходимость дальнейших разработок в данной области убедительно представлена в [3, с. 251-252; 13, с. 35-39]; там же и в публикации [18, с. 104-109] рассматриваются вопросы формирования языковой компетенции.

В исследовательской программе данного проекта принимается точка зрения, согласно которой проводится различие между языковой картиной мира и обыденным сознанием: «В языковой картине мира, в отличие от обыденного сознания, аккумулировано более простое (элементарное) и ограниченное содержание; оно глубже и прочнее укоренено в индивидуальных сознаниях говорящих и является более единообразным (инвариантным), в сравнении с теми представлениями, которые составляют обыденное сознание. В отличие от обыденного сознания, языковая картина мира представляет собой более узкий пласт содержания («знаний о мире»), онтогенетически предшествует усвоению индивидом обыденного сознания своего народа» [8, с. 141].

Изучение фразеологических единиц пересекается с изучением отдельных лексем, отражающих важнейшие универсальные и лингвоспецифические концепты культуры. Такие лексемы и связанные с ними концептуальные поля вовлекаются в сферу фразеологии. Одним из таких полей является концептуальное поле игры.

Современная наука относит феномен игры к универсальным докультурным и культурным практикам, однако при этом подчеркивается, что ее отражение в языке может иметь существенные лингвоспецифические особенности. Изучение таких особенностей необходимо для выявления важнейших аспектов взаимодействия и взаимообусловленности языка и культуры. Специфику лингвокультурологических аспектов необходимо учитывать при подготовке специалистов по межкультурной коммуникации, при разработке методик преподавания и учебных материалов, теории и практики перевода, так как полное овладение языком невозможно без изучения культуры, к которой данный язык принадлежит.

Изучение фразеологии, не только в смысле понимания, запоминания значения и перевода отдельных фразеологизмов, но и в смысле осознания лингвоспецифических (т.е. характерных для конкретного языка) и лингвокультурологических (т.е. отражающихся в языке особенностей культуры) аспектов является залогом, гарантией или одним из *слагаемых успеха* в овладении языком. Заключительные выражения предшествующего предложения, выделенные курсивом, являются примерами внутриязыковой синонимии слов и словосочетаний. Они также являются примерами, которые позволяют продемонстрировать градуальность понятия «фразеологизм», так как в них в разной степени проявляется фразеологичность (т.е. фиксированность, ограничение сочетаемости слов). Понятие «фразеологизм» определенным образом пересекается с понятиями «метафоричность» и «идиоматичность», а также «комбинаторика», но не сводится к ним.

В современном языкознании нет общепризнанного определения термина «фразеологизм», который, тем не менее, чрезвычайно широко и достаточно давно, по сравнению с зарубежной лингвистикой, используется в отечественной науке. Русскоязычный термин «фразеологизм» и его межъязыковой синоним “idiom” (в названиях фразеологических словарей иногда встречается обозначение “idiom and phrase”) используются для обозначения целого ряда семантических и синтаксических разновидностей словосочетаний. В лингвистическом сообществе нет единого мнения о природе, свойствах и необходимых различительных признаках фразеологизмов. В данном исследовании используется одно из предлагаемых в отечественном языкознании определений, согласно которому, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических конструкций, фразеологизмы «не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а

воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [12, с. 559].

Трудность определения границ лингвистических категорий, размытость и проницаемость границ между смежными категориями, градуальность переходов признается большинством представителей различных научных направлений и школ современного языкознания [20]. Из трех упомянутых выше словосочетаний только «слагаемое успеха» можно более или менее уверенно отнести к фразеологизмам. Как представляется, в радиальной категории фразеологизмов это словосочетание находится ближе к прототипическим фразеологизмам, так как в большей степени воспроизводимо в речи в фиксированном виде. При замене слова «слагаемое» его контекстуальными синонимами («необходимое условие успешности», «причина успеха», «предпосылка успеха») образуются *свободные сочетания*, кроме того в них отсутствует метафоричность, приносимая математическим термином «слагаемое».

Метафора, как известно, основана на скрытом сравнении похожих явлений принципиально разных доменов (областей, сфер) [17]. В рассматриваемом случае *приложение* усилий для «достижения успеха» в изучении языка и культуры сравнивается со *сложением* арифметических величин в математике. Для получения суммы требуются слагаемые, для достижения успеха нужна сумма усилий. Несмотря на то, что метафоричность не всегда является необходимым условием включения словосочетаний в категорию фразеологизмов, считается, что прототипическим фразеологизмам она свойственна.

Представляется, что в данном случае фиксированность формы связана с семантикой компонентов фразеологизма «слагаемые успеха». Даже окказиональные сочетания слова «успех» с другими словами требуют, чтобы в их семантике присутствовали компоненты «желательность», «стремление», «преодоление трудностей», и т.п. или же «создание» (ср. сложились хорошие отношения, не сложились отношения). Ниже представлена весьма приблизительная шкала оценки комбинаторной совместимости лексемы слагаемое/слагаемые (с определенной субъективной погрешностью, которую можно исправить с помощью статистических данных при обращении к корпусам текстов). Морфологическая форма слова «успех» (ед. или мн. число) также влияет на оценку сочетаемости (условные обозначения: ? - предположительно употребляется; ?? - едва ли употребляется; * - предположительно неприемлемо; ** - определенно неприемлемо):

- (1) слагаемое/ые успеха
- (2) ?слагаемые победы, *слагаемое победы
- (3) ??слагаемые/*-ое дружбы/процветания
- (4) ???слагаемые/*-ое любви/счастья
- (5) *слагаемые/**-ое здоровья
- (6) **слагаемые/**-ое неудачи/поражения/провала

Важно также отметить, что в данной шкале не учитывается зависимость сочетаемости слова «слагаемое» (в позиции сказуемого) с последующим словом от семантики слова в позиции подлежащего.

Во фразеологическом составе английского языка имеется синоним (аналог по совокупности существенных признаков) с похожей внутренней формой (образной основой, мотивацией), а именно, “factor of success”. Обратим внимание на то, что математический термин “factor” относится к умножению (и делению), т.е. фактор влияния на успех в английском фразеологизме представляется более «мощным». Определение степени фразеологичности и сочетаемости его компонента “factor” с другими словами выходит за рамки темы данной статьи, и этот вопрос мы пока не рассматриваем. Вопрос же об источниках интуитивных суждений носителей языка при оценке идиоматичности высказываний (в смысле приемлемости/неприемлемости большинством, соответствия представлениям о «правильности») является дискуссионным и обсуждается в многочисленных публикациях. С точки зрения лингводидактики, необходимым условием приобретения способности оценивать идиоматичность при изучении иностранного языка является ежедневное чтение (обязательно с помощью словарей) достаточно большого объема аутентичных иноязычных текстов различных стилей и жанров [18].

Для дополнительной иллюстрации замечания о градуальности перехода от степени фразеологизма к комбинаторике рассмотрим сочетания (7-9) со словом «залог», где это слово используется в переносном, т.е. метафорическом смысле, но его комбинаторика характеризуется более высокой степенью свободы при ограничении морфологических вариаций (используется только в ед. числе):

- (7) залог здоровья /успешного овладения/процветания/ победы в состязании...
- (8) ?залог счастья/мира/свободы/дружбы/доверия
- (9) *залог надежды/

(10) **залог веры (во что-то)/...

Слово «гарантия», имея только некоторые семантические ограничения, участвует в свободных словосочетаниях. Так как глагол «гарантировать» может сочетаться с нежелательностью (для адресата высказывания) того, что гарантируется, возможно окказиональное использование существительного «гарантия» в сочетании с такими словами как, например, «неприятности».

Рассмотренные выше примеры из русского языка, собственно говоря, не входят в концептуальное поле «игра». Они возникли в тексте естественным образом, и при их посредстве русскоязычному читателю легче прочувствовать сложность взаимодействия слов в их сочетаемости, а также представить трудность получения таких представлений о семантических связях слов иностранного языка.

Используя термин «идиома», необходимо учитывать, что в отечественном языкознании он имеет более узкое значение, чем термин «фразеологизм». Идиома считается разновидностью более широкой категории фразеологизмов. Для того чтобы выразить значение, близкое к понятию «фразеологизм», в английской лексикографии иногда используется обозначение “phrase and idiom”.

Обратимся еще раз к тому, как осуществляется взаимодействие языка и культуры. «Подобно тому как в культуре каждого народа есть общечеловеческое и этнонациональное, так и в семантике каждого языка есть отражение как общего, универсального компонента культур, так и своеобразия культур конкретного народа. Универсальный семантический компонент обусловлен единством видения мира людьми разных культур. Это принципиальное единство человеческой психики проявляется на разных уровнях семантической организации языков — от широких и устойчивых тенденций до «точечных» универсальных явлений.» [6, с. 51].

Так, например, игра является универсальной культурной практикой, однако в различных культурах ее проявления могут иметь различные формы. Различными могут быть формы игровой деятельности (формы игры в прямом и метафорическом смысле). Различными могут быть такие качественные и количественные параметры, как число участников, их функции, взаимоотношения, инструментарий и т.п. Лексика и фразеология обозначения таких параметров является преимущественно лингвоспецифической (уникальной, существующей только в отдельном языке). Даже в тех случаях, когда иноязычная лексика международных видов спорта транслитерируется в лексикон

заимствующего языка (т.е. произношение в значительной степени сохраняется, меняется лишь буквенное обозначение, литеры), очень часто лексический фон заимствованного слова меняется. Так, например, английское слово “goal” имеет больше значений, чем его частичный межъязыковой синоним «гол», который может обозначать: 1) очко, выигрываемое после попадания мяча (шайбы) в ворота соперника или 2) само попадание мяча (шайбы) в ворота. Английское слово “goal” помимо этих двух смыслов имеет и другие, которые передаются в русско-английских словарях следующим образом: 3) цель, задача; 4) цель, место назначения; 5) ворота; 6) финиш.

Подобные смысловые различия межъязыковых синонимов, ощущение связей одного из значений слова с другими значениями этого же слова, а также его семантических связей с другими словами и их семантическими полями, как и с языковой и обыденной картинами мира, называют лексическим фоном слова. Возможно применение этого термина как к отдельным словам, в том числе и входящим во фразеологизм, так и к значению и семантическим связям всего фразеологизма. «Лексический фон — явление пограничное между языком и культурой» [6, с. 53-54].

Приводя здесь известное замечание С.С. Аверинцева о том, что в любом языке все лучшие слова непереводимы, мы можем отметить его уместность по отношению к фразеологизмам. Так же как и замечание Н.Б. Мечковской о том, что таких «лучших» слов — большинство, потому что каждое слово приносит в сегодняшнее употребление память о вчерашнем: свои контексты и обстоятельства, свою историю» [6, с. 55]. Однако память о происхождении и истории развития значения фразеологизмов не живет вечно, так же как и память о происхождении слов. Если внутренняя форма слова или фразеологизма перестает осознаваться большинством носителей языка, можно говорить об утрате внутренней формы слова или фразеологизма.

Изучение языка на профессиональном уровне требует получения представления, разумеется, в тех случаях, когда это возможно, о национально-культурных особенностях внутренней формы слов и фразеологизмов. Внутренняя форма слова — это тот буквальный смысл, который складывается из значений морфем, образующих слово (т.е. из значений его корня, приставки и суффикса). Внутренняя форма делает значение слова мотивированным, однако эта обусловленность — неполная. А.А. Потебня называл внутреннюю форму слова его «ближайшим этимологическим значением», осознаваемым носителями языка [10, с. 175]. Современная фразеология занимается изучением внутренней формы фразеологизмов и их связей с различными концептуальными полями.

Метафорическая основа самого термина «поле» разнопланова — 1) поле как пространственная категория, место нахождения; 2) поле как область и средство взаимодействия, например, поле притяжения, гравитационное или электромагнитное поле; 3) поле как арена для состязания (в том числе игрового), противоборства или военных действий.

В лингвистике слово «поле» может использоваться прямо или задействоваться косвенно (имплицитно подразумеваться) во всех этих смыслах. Возможности активации первых двух смыслов очевидны.

В качестве примеров реализации третьего смысла можно привести выражения (уже ставшие терминами) «конкуренция мотиваций», «сопротивление лексического материала». Метафорическое выражение «сопротивление лексического материала» ввел в лингвистический обиход В.В. Виноградов. Первоначально оно использовалось по отношению к отдельным словам, которые в силу разных причин не могут употребляться в определенных грамматических формах (падежных, временных и др.) или «сопротивляются» попыткам включить их в определенные синтаксические конструкции (смысл 3). Однако его можно использовать и в смысле (1) — полевая проводимость, способность слова проводить, пропускать через себя силовые волны, исходящие от разных концептуальных полей.

Возвращаясь к концепту «игра», можно с большой долей вероятности предположить, что этот концепт занимает важное место (*играет важную роль*) в языковой картине и фразеологическом составе всех языков. В сопоставляемых в данной статье языках, концептуальное поле игры буквально пронизывает силой своих семантических связей огромное образное пространство. Однако это очень по-разному отражается в лексике и фразеологии сопоставляемых языков. В русском языке, как, впрочем, например, в немецком и французском, а также, вероятно, во многих других языках, этот концепт обозначается одним словом (игра, фр. le jeu, нем. die Spiel), в то время как в английском существуют два претендента на вершинную (главенствующую) позицию в таксономии игровых категорий “play” и “game”. По крайней мере, оба эти слова переводятся на другие упомянутые языки одним соответствующим словом. Однако признается, что семантика существительного “play” (в наиболее общем из его значений) шире семантики слова “game”, так как включает: 1) игру как лицедейство, театр; 2) игру как забаву; 3) игру как состязание в мастерстве.

Обращаясь к статистической стороне исследования, отметим, что в «Англо-русском фразеологическом словаре» [4, т. 2, с. 362-364,]. зафиксированы 42 фразеологические единицы с константным словом “play” и 44 фразеологические единицы с константным словом “game”. В первом приближении к контрастивному анализу методом сопоставления числа фразеологизмов с константными словами «игра» и «играть» получаем следующий результат. Во фразеологическом словаре С.И. Лубенской [5, с. 898] представлены 13 фразеологизмов с существительным (например, *игра словами; игра в бирюльки*) и 26 с глаголом (например, *играть словами; играть в бирюльки*). При этом большая часть тех и других идентичны по внутренней форме, а основания повторного включения являются чисто морфологическими. Делать культурологические выводы на основании такого сопоставления нельзя, так как концепт «игра» представлен гораздо большим количеством фразеологизмов и в русском и в английском языках, причем не только фразеологическими единицами с соответствующими константными словами, но и другими фразеологизмами, в которых данный концепт представлен имплицитно. Примерами таких фразеологизмов являются «гол в свои ворота» и “Be a good sport” (Будь другом!). В русском синонимическом выражении может отсутствовать связь с полем игры, как это видно в последнем примере. Выявление и сопоставление таких фразеологизмов — важный пункт исследовательской программы данного проекта, результаты которого будут представлены в будущих публикациях.

Нисколько не приуменьшая лексикографическую и дидактическую ценность этого лучшего для своего времени и наиболее полного англо-русского фразеологического словаря и помня об огромном вкладе А.В. Кунина в отечественную и мировую фразеологию, вслед за автором отметим, что по указанным в предисловии к этому словарю причинам все существующие на момент издания этого словаря английские фразеологизмы не могли быть учтены в нем.

Отметим, что в словаре А.В. Кунина в единый раздел “game” включаются фразеологизмы с константным словом “game1”, имеющим значение «игра», и с константным словом “game2”, которое имеет значение «дичь; добыча». В данном исследовании мы включаем их в единую группу с общим образным ядром “game”, не только по признаку единства формы, но также по признаку наличия общего инвариантного компонента семантического содержания. В семантике слова “game2” (дичь; добыча) ощущается семантическая близость к семантике слова “game1” (игра), так как они имеют общую этимологию.

Кроме того, в разделе “game” отдельно представлены фразеологизмы, в которых оба слова преимущественно встречаются вместе: “play a good/poor game” - быть хорошим/плохим игроком. Фразеологизмы, в которых “game” может не сопровождаться этим глаголом, снабжены пометой «обыкн. употр. с глаголом to play». При этом они еще раз приводятся под отдельным номером: «38. a deer game сложная игра (обыкн. употр. с глаголом to play см. G-49); и 49. play a deer game вести сложную игру».

Тем не менее, даже с учетом этого фактора, общее количество фразеологизмов с константными словами “play” и “game” представляется достаточно большим. Общее количество и частота использования данных фразеологизмов указывают на то, что концептуальное поле «игра» охватывает большое семантическое пространство в языковой картине мира англоязычного социума.

Несмотря на перечисленные затруднения, которые представляются весьма существенными для получения точных статистических данных, на основе которых можно было бы делать лингвокультурологические выводы, на начальном этапе исследования мы обращаемся именно к словарю А.В. Кунина, так как принцип включения, общее количество и компактное расположение фразеологических единиц, применяемые в нем, представляются наиболее удобными для первоначальной количественной оценки распространения исследуемых фразеологизмов и получения общего представления о роли стоящих за ними концептов в общей языковой картине мира исследуемого языка.

На последующих этапах исследования планируется уточнение полученных первичных данных с помощью новейших баз данных, сопоставление количественных и качественных параметров представления концептуального поля «игра» в лексическом и фразеологическом составе русского и английского языков, комплексный анализ и сопоставление отдельных лексем и фразем, категоризация и распределение по секторам поля «игра», частотность использования фразеологизмов различных секторов этого поля в реальном дискурсе, определение лингвокультурологических выводов на основе полученных лингвистических данных.

Библиографический список:

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
2. Богин Г.И. Герменевтически и риторически ориентированная методика обучения // Русский язык за рубежом. 2000. Выпуск № 3-4. С. 72-82.
3. Демидкина Е.А. К вопросу об актуальности фразеодидактических исследований // Известия ВГПУ. 2014. № 1 (262). С. 250-253.

4. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь: В двух томах. 3-е изд. перераб. и доп. М.: Советская Энциклопедия, 1967.
5. Лубенская С.И. Русско-английский фразеологический словарь. М.: Языки русской культуры, 1997. 1056 с.
6. Мечковская Н.Б. На семиотическом перекрестке: мотивы движения тела в невербально коммуникации, в языке и метаязыке // Логический анализ языка: Языки динамического мира. М., 1999. С. 376-393.
7. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. Изд. второе, испр. М., 2000. 208 с.
8. Мечковская Н.Б. Феномен «смешного» в речи, его речевые первоэлементы и внеязыковые механизмы. // Логический анализ языка. Языковые механизмы комического / Вдовиченко А.В., Верещагин Е.М., Красухин К.Г. и др.; РАН. Институт языкознания; Отв.ред. Н.Д.Арутюнова; Редкол. И.Л.Ковшова, Н.Ф.Спиридонова. - М.: Индрик, 2007.. С. 140-153.
9. Поливанова А.К. Конкретно-языковое vs. Универсальное // Поливанова А.К. Общее и русское языкознание. Избранные работы. М. Изд. центр РГГУ, 2008. С. 94-114.
10. Потемня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 612 с.
11. Сукаленко Н.И. О различной степени сокрытия смыслов культурных таксонов // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. 335 с.
12. Телия В.В. Фразеологизм // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 559-560.
13. Федуленикова Т.Н. Современная фразеология и фразеодидактика // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». Вып. 2. 2005. № 11 (51). С. 35-39.
14. Яранцев Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник. М.: Русский язык, 1997.
15. Cowie A.P. *Phraseology: Theory, Analysis, and Applications*. Oxford, 1998.
16. Cowie A.P., Mackin R., McCaig I.A. *Oxford Dictionary of Current Idiomatic English: In 2 Vol.* Oxford, 2000.
17. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Ch.: University of Chicago Press, 2003.
18. McQuillan J., Krashen S.D. Commentary: Can free reading take you all the way? A response to Cobb (2007) // *About Language Learning & Technology*. 2008. Vol. 12, № 1. Pp. 104-109.
19. *Oxford Dictionary of Idioms* / Ed. by J. Siefring. Second edition. Oxford: Oxford University Press, 2004. 352 p.
20. Taylor J.R. *Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistic Theory*. Second edition. Oxford: Clarendon Press, 1995. 312 p.

Morozov V.V. Phraseology of the conceptual field “play”: contrastive study

This outline of the Research Project “Aspects of Linguistic Categorization: Person, Language, Culture” presents some results of an attempt to classify and contrast English and Russian phrases and idioms evocative of the concept “play” as an example illustrating the range of the Project studies. The semantics of the invariant lexical component of the set phrases and idioms are discussed. A language specific nature of reflecting a universal concept is demonstrated.

Keywords: conceptual field, set phrase, lexical background, linguistic categorization, linguistic culturology

УДК 930.85

М.Е. Ардашева

**От Grand-тура до «венчания» с Россией:
образовательные путешествия наследников российского престола**

Аннотация:

В статье прослеживается рождение и развитие идеи образовательного путешествия наследника российского престола: исследуется смена парадигмы отношения к пространству в XVIII в., рассматриваются первые познавательные вояжи представителей романовской фамилии, анализируется влияние культуры «Grand Tour» на практику образовательных путешествий, исследуются некоторые тексты эпохи Просвещения, которые определили основной вектор развития идеи путешествия российского наследника, выделены «эталонные» путешествия.

Ключевые слова: Россия, образовательное путешествие, Grand-тур, наследник престола

Об авторе: Ардашева Маргарита Евгеньевна, кандидат педагогических наук, Государственный университет «Дубна», филиал «Протвино», доцент кафедры Общеобразовательные дисциплины; эл. почта: margaritka.kh@mail.ru

Образовательные путешествия наследников российской династии – важная составляющая культурной и политической жизни России XIX в. Это и свежая образовательная стратегия, и способ воспитания будущего правителя, и вариант постижения «своего» и «чужого», и даже эффективная промоакция, демонстрирующая единение сильной императорской власти со своим народом. В путешествиях с романовскими наследниками формировались, например, политические взгляды К.П. Победоносцева [19], педагогические концепции В.А. Жуковского [7] и даже появлялись прекрасные полотна И.К. Айвазовского [5]. Образовательные путешествия молодых великих князей часто влияли на политическое и культурное развитие России. Заграничный вояж молодого Николая Павловича (1816–1817) определил будущие англо-русские отношения, русско-японский «климат» конца XIX в. сформировался в том числе благодаря событиям, которые произошли в ходе азиатского вояжа будущего Николая II

(1890–1891). И это лишь малая часть тех «следов», которые оставили образовательные путешествия цесаревичей в истории и культуре России.

Цель данной работы – проследить рождение и развитие идеи образовательного путешествия наследника российского престола. Предпринята попытка ответить на следующие вопросы: почему образовательные путешествия появляются в XVIII в.? кто и когда из представителей романовской фамилии путешествует с познавательными целями? каково влияние культуры «Grand Tour» на практику воспитательных вояжей? какие тексты эпохи Просвещения создали образ правильного путешествия наследника российского престола? какие задачи реализуют образовательные вояжи российских цесаревичей? какие путешествия наследника станут «эталонными» и почему?

Путешествие «за Разумом»

В XVII-XVIII вв. происходит смена парадигмы отношения к пространству и в Европе, и в России. Еще средневековый человек, европеец-христианин, воспринимает пространственное перемещение как путешествие «по «карте» религиозно-моральных систем» [13, с. 298]. Мир географический для него достаточно четко делится на ад или рай. Страны, города, отдельные местности воспринимаются либо как святые, либо как еретические, «поганые». И потому средневековое путешествие – это прежде всего или паломничество, или антипаломничество. Для русского путешественника, вписанного в общехристианский мир, после падения Византии, еще в XVI-XVII вв., география святости определяется только Русской землей. Все остальные города и страны воспринимаются как еретические [14, с. 525-606], а пространственные перемещения – это либо путешествия «за благодатью», либо опасные, «экзотические» поездки в миры, где ходят люди «с песьими головами».

Новое время наполняет путешествие новыми смыслами. Впервые поездка не только воспринимается в категории «паломничество-непаломничество» и обосновывается экономическими или политическими причинами, но и прирастает чисто познавательными, культурно-образовательными смыслами. Постепенно ослабляется дихотомия рай – ад, движение «за благодатью» замещается «путешествием за Разумом, знанием, просвещением» [14, с. 562]. В русском обществе этот процесс происходит в конце XVII-XVIII вв.

Первые российские венценосные путешествия

Начало большим непаломническим образовательным путешествиям в России было положено Великим посольством Петра I (1697-1698). По меткому замечанию

В.О. Ключевского, «попав в Западную Европу, он [Петр I] поспешил прежде всего забежать в мастерскую ее культуры» [11, с. 342]. Второй продолжительный европейский вояж Петра (1716-1717) закрепляет возможность цивилизационного обмена через венценосное путешествие, и закладывается основа целой серии познавательных вояжей российской элиты. Фактически Петр снимает клеймо еретичества с Европы и устанавливает моду на европейское обучение и путешествия.

Первый российский император способствует отправке большого числа российских дворянских отпрысков в Европу. А в 1709 г. Петр I посылает учиться на несколько лет в Дрезден и своего старшего сына, царевича Алексея. Посетив половину европейских стран, Алексей «познает науки» в дрезденском университете. Правда, практическая польза от этой поездки будет невелика: большую часть времени наследник, как окажется, проводил с «дурными людьми» за пьянством, а вернувшись, чтобы скрыть перед Петром свое неумение «чертить чертежи», будет стрелять себе в руку [25, с. 15-34].

Большой шаг в развитии российской культуры путешествия делает Екатерина Великая. Императрица подтверждает освобождение дворянства от обязательной государственной службы, дарованное Петром III, и расширяет либеральную политику в отношении «увеселительных», свободных путешествий. В ее внешней и внутренней политике, системе презентации власти путешествие занимает значительное место [2; 9; 24]. Географические перемещения самой Екатерины II – это поездки только в границах своей империи, но они служат реализации разнообразных задач: подтверждают ее православную ориентированность, «прорусскость», «близость» народу, презентуют преданность принципам пользы и общественного блага, показательно доказывают силу ее личности и ума, становятся демонстрацией чужеземной, «высшей» природы верховной власти и создают особый режим взаимодействия с различными провинциальными, национальными и конфессиональными российскими элитами.

Екатерининское время «запускает» большое число Grand-туров русского дворянства. Небывалое количество молодых отпрысков различных дворянских фамилий, известные деятели культуры и политики (Д.И. Фонвизин, А.Н. Радищев, Н.М. Карамзин, Е.Р. Дашкова, А.А. Голицын, А.Б. Куракин и др.) отправляются в Европу с образовательными целями [4; 23; 29]. Активно распространяется практика познавательного путешествия, «праздного и избыточного» в риторике допетровской эпохи. С европейским Просвещением русская элита впитывает культуру «Grand Tour».

Культура «Grand Tour»

Понятие «Grand Tour» или «Giro», многомесячное образовательное путешествие, впервые появляется в Европе (Р. Лассалс, 1670) и первоначально означает путешествие молодого англичанина в сопровождении ментора-учителя по материковой Европе [12, с. 151]. Английская знать еще в конце XV – начале XVI вв. отправляла своих отпрысков в длительное интеллектуальное паломничество через опасную Францию в итальянские или немецкие земли [26]. Несмотря на враждебность католического пространства, прагматики-англичане считали полезным и престижным, чтобы молодежь получала классическое латинское образование и практиковалась в европейских «мужских искусствах» (фехтование, верховая езда и т.д.).

В XVII-XVIII вв. практика отправки молодых англичан-аристократов в большое путешествие по Европе становится нормой. Видные английские педагоги и философы осмысливают Grand-тур как необходимый элемент окончательного становления настоящего джентльмена [1]. А. Смит, Дж. Локк, Дж. Мур и многие другие яркие мыслители того времени путешествуют по Европе в качестве тьюторов, сопровождающих молодых англичан в их образовательном вояже. В качестве основных целей Grand-тура называются «познание человека», изучение светского общества, приобретение хороших манер, практическое овладение иностранными языками, расширение кругозора через изучение культуры других народов, обычаев и политических особенностей [1, с. 80-82].

К концу XVII в. английская культура большого образовательного путешествия распространяется по всей Европе. Параллельно с расширением практики Grand-туров активно развивается литература путешествий. Кроме обычных травелогов, в конце XVI – начале XVII вв. в Европе появляются теоретические труды о путешествиях, так называемое направление *ars apodemica* («искусство путешествия») [8]. Русская элита XVIII в., хорошо владеющая французским и другими европейскими языками, активно впитывает новые модели поведения и моды европейского чтения. Достижения европейской культуры, в том числе культура «Grand Tour», присваиваются Россией и формируют маршруты и цели путешествий российской элиты.

Российское образовательное путешествие и тексты эпохи Просвещения

Основной европейский вектор развития российских образовательных путешествий определяется тремя текстами. Это «Приключения Телемака» Ф. Фенелона (1699), «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» Л. Стерна (1768) и «Эмиль, или о воспитании» Ж.-Ж. Руссо (1762).

Роман «Приключения Телемака» Франсуа Фенелона, воспитателя внука Людовика XIV, – бестселлер XVIII века. Книга была переведена на русский язык уже в петровское время, ею восхищались А. Болотов и Ф. Лагарп, Ж.-Ж. Руссо и Екатерина II. Содержание романа развивает сюжет античной «Одиссеи», а путешествие трактуется не только как перемещение в пространстве, но и как «собираение мудрости»: Телемак, сын Одиссея, отправляется на поиски отца; в опасном путешествии его сопровождает богиня мудрости Минерва под видом наставника Ментора и на разных примерах объясняет сущность королевского правления. Герой знакомится с разными типами государственного устройства, отдавая в конце концов предпочтение принципам просвещенной монархии [22, с. 123].

История Телемака в изложении Фенелона – важная книга для российских наследников престола и великих князей в XVIII-XIX вв. Сама Екатерина II, одобряя «Телемака», возможно, видела себя в роли богини Минервы, незримо сопровождающей неопытного молодого Телемака. Экземпляр книги императрица подарила своему старшему внуку Александру, сопроводив замечаниями о нравственных принципах и качествах характера, которые подобают будущему правителю [24, с. 204, 215]. «Телемаком» будет вдохновлен и В.А. Жуковский [28, с. 17]. Эта книга была в личной библиотеке поэта, и, читая ее, воспитатель цесаревича Александра системой помет создаст своеобразный конспект на тему: каким должен быть идеальный правитель [10, с. 5]. Сопровождая наследника Александра Николаевича в путешествиях по России и Европе (1837–1839), В.А. Жуковский, видимо, исполнял роль фенелоновского Ментора. Не случайно из «Приключений Телемака» в рамках подготовки к большому образовательному путешествию по просьбе своих учителей делает выписки и цесаревич Александр – «русский Телемак» [24, с. 453].

«Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» англичанина Лоренса Стерна (1768) – еще одна важная книга, которая влияет на развитие взглядов российской элиты на идею образовательного вояжа. Именно у Стерна впервые путешествие трактуется не только как классическое описание новых мест и впечатлений, но и как перемещение по закоулкам собственной души. «Путешествие» Стерна подытоживает европейские опыты становления сентиментализма и закладывает основы нового модного жанра – литературные путешествия. Впечатленный книгой Стерна, Н.М. Карамзин создает «Письма русского путешественника» [14, с. 525-606] – основной отечественный

текст, формирующий идею путешествия как самопостижения через глубокое знакомство с миром «других».

В «Письмах» Н.М. Карамзину удается дать «русский взгляд», предложив свой вариант разрешения дилеммы, которую ставил еще Д.И. Фонвизин перед Екатериной: «Как мы можем избавиться от двух противоположных и наиболее вредоносных предрассудков: во-первых, что в России все ужасно, а за границей все хорошо; во-вторых, что за границей все ужасно, а в России все хорошо?» [29, с. 25]. «Письма русского путешественника» читаются и в семье Романовых. Стерновская мысль о путешествии-самоидентификации прививается на русской почве и начинает реализовываться благодаря «Письмам» «первого литератора» – «последнего летописца».

Третий европейский текст, который стимулирует развитие идеи образовательных путешествий в России, – это роман Жан-Жака Руссо «Эмиль, или О воспитании» (1762). Отдельная часть «Эмиля» посвящена обоснованию необходимости специально организованного путешествия молодого человека (20-25 лет). С точки зрения Руссо, путешествия «развивают природный нрав и окончательно делают людей хорошими или дурными», при этом «дурно воспитанные и дурно направленные молодые люди заражаются в своих путешествиях всеми пороками тех народов, которых посещают», «но те, которые хорошо одарены, те, в которых старались правильно развить хороший природный нрав и которые путешествуют с искренним намерением научиться, те все возвращаются из путешествия лучше и благоразумнее, чем были перед отъездом» [21].

Екатерина II была хорошо знакома с творчеством Руссо. И хотя «Эмиль», как и ряд других произведений «жневского философа», запрещается императрицей в России, ибо «против закона», но педагогическую составляющую этого романа, включая раздел «О путешествии», Екатерина активно использует в практике планирования Grand-тура своего сына Павла [15, с. 272-274]. Руссо не был изгнан из учебных программ Павла Петровича, а в 1784 г., вернувшись из заграничного путешествия, цесаревич привез Екатерине II в подарок «ряд драгоценных статуй и картин, из современных писателей там были лишь бюсты Руссо и Вольтера» [15, с. 289].

Известно, что в конфликте Руссо и энциклопедистов Екатерина II стояла на стороне энциклопедиста Вольтера и позволяла себе систематически унижать Руссо – мнительного «меланхолика». Но его «Эмиль», благодаря и вопреки запрещению Екатерины, активно переводится на русский еще в ее правление и широко распространяется среди читающей публики. Мария Федоровна, жена Павла I, также не

скрывала своего уважения к «женевскому философу». Ее дядя, принц Людвиг-Евгений Вюртембергский, вел оживленную переписку с Руссо, а мать, Фредерика-Доротея, также подарила бюсты Вольтера и Руссо своему малолетнему внуку, старшему сыну Марии Федоровны – будущему Александру I [15, с. 290].

С творчеством Руссо был хорошо знаком и воспитатель будущего Александра II В.А. Жуковский. В его личной библиотеке есть Собрание сочинений Руссо (12 томов), на страницах которого много помет, сделанных рукою хозяина [3]. Роман «Эмиль» в библиотеке В.А. Жуковского представлен еще и тремя отдельными изданиями разных лет. Воспитатель цесаревича внимательно читал роман минимум три раза (в 1805, в 10-е гг. и в конце 20-х гг.) [10, с. 142-157], вступая с автором в активную полемику и формируя собственную педагогическую концепцию.

Первые образовательные путешествия наследников российского престола

Первое большое познавательное путешествие наследника российского престола было организовано Екатериной II для своего сына Павла [8]. В ходе европейского вояжа (1781-1782) граф и графиня Северные (Павел Петрович и его жена Мария Федоровна) посетили четырнадцать государств, Павел лично познакомился с европейскими правителями, известными политическими деятелями, военачальниками, основными творцами европейского Просвещения и встретился с Папой Римским. Императрица Мария Федоровна, используя опыт этого путешествия, будет впоследствии принимать деятельное участие в планировании и проведении Grand-туров своих младших сыновей, Николая и Михаила, выступая связующим звеном, соединяющим вояжи екатерининской эпохи и путешествия наследников в XIX веке.

А вот старшему внуку Екатерины II, Александру, не повезет с образовательным путешествием. Воспитанный республиканцем Ф. Лагарпом на идеалах Просвещения, цесаревич Александр тем не менее будет вынужден только наблюдать, как отправляются в путешествия другие: его сверстники, учителя, придворные сановники. Екатерина II, которая в начале 80-х годов спокойно отправляла в Grand-тур по Европе сына и была готова взять с собой в поездку в Крым старших малолетних внуков Александра и Константина (даже против желания их родителей) [27, с. 49], в 90-е годы выступала категорически против путешествий Александра.

Нежелание Екатерины объяснялось несколькими причинами. Во-первых, в тот момент, когда Александр вырос и его можно было бы отправить в путешествие, серьезно ухудшилась обстановка в Европе: французская революция, волнения по всей

Западной Европе. Спустя всего несколько месяцев после казни Людовика XVI, в августе 1793 г. Екатерина в письме своему любимому европейскому корреспонденту барону Мельхиору Гримму развенчивает слухи о путешествии своего старшего внука: «Так называемое путешествие Александра – это грубая ошибка газетчиков и заурядная выдумка. Мы его надлежащим образом поженем здесь в Рождество» [18, с. 585-586]. На самом деле стареющая Екатерина будет спешить с женитьбой внука и свадьбу шестнадцатилетнего Александра проведет уже в сентябре, предварительно выписав из Европы двух сестер – Баденских принцесс, чтобы Александр смог сделать выбор невесты на месте, в России. Вторая причина, почему Екатерина держит при себе и не отправляет Александра в образовательное путешествие по Европе и не отпускает его даже в поездку по России, – это активно разрабатываемые планы императрицы о назначении Александра своим наследником, минуя Павла.

Специального образовательного путешествия Александр так и не совершит, но, взойдя на престол, Павел I возьмет с собой в поездки по России двух своих старших сыновей. Первое путешествие (май-июнь 1797) произойдет сразу после его воцарения – путешествие по северо-западным землям и городам России (Смоленск, Орша, Минск, Вильно, Гродно, Митава, Рига, Нарва) [27, с. 153]. Вторая поездка будет длиться с мая по июнь 1798 года и охватит восточные территории (Владимир, Нижний Новгород, Казань, на обратном пути Тихвин, Новая Ладога, Ярославль) [27, с. 159-160]. Это и будут короткие познавательные путешествия наследника престола Александра и его брата Константина.

Только став императором, Александр много путешествует по России и Европе. Уже в первые дни после своего утверждения на престоле император снимает запреты на выезд за границу, установленные Павлом I, который так же, как и Екатерина был напуган бурными европейскими событиями. Александр I разрешает свободно провозить из-за границы печатную продукцию и сам становится активным «туристом». Из двадцати четырех лет своего правления Александр I семь лет проведет вне столицы (три с половиной года – за границей) [16, с. 22], передаст практику активных «туристических» и инспекционных монарших поездок последующим российским правителям и повлияет на окончательное становление практики больших образовательных путешествий великих князей Романовых.

Младшие братья Александра, великие князья Николай и Михаил, высочайшим повелением будут отправлены каждый в свое, специально спланированное путешествие

(1816-1817 и 1817-1818), чтобы завершить образование. Они проедут не только по Европе, но и по важнейшим городам и землям европейской России. Точнее, путешествие по своей родной стране будет предшествовать вояжу по Европе. Эта практика закрепится. Все сыновья и внуки Николая I заканчивают образование специально организованными путешествиями: сначала по России и лишь затем по заграничным землям. И этот процесс отражает новую общеевропейскую тенденцию [29], которую в начале XIX в. подхватывает российская аристократия: через путешествие по Отечеству постигать свое национальное своеобразие, манифестировать национальную идентичность, а затем расшифровывать мир «другого», сопоставлять его со «своим» в ходе зарубежного вояжа.

Образование как путешествие и путешествие как «венчание» с Россией

Наиболее полно концепция путешествия вписана в систему образования наследников российского престола В.А. Жуковским, который в 20-е гг. XIX в. подготовил подробный «План обучения» [7] цесаревича Александра Николаевича, старшего сына Николая I. Проект был выстроен с учетом отечественного и европейского педагогического опыта, мировой философии и культуры (в том числе культуры Grand-typ) и стал программным документом для воспитания всех романовских наследников.

В.А. Жуковский выделял отдельные периоды-этапы образования, сравнивая их с этапами большого путешествия. «Первый период. Отрочество. От 8-до 13 лет. Учение приговорительное. Сей период можно сравнить с приготовлением к путешествию: надобно дать в руки компас, познакомить с картою, снабдить орудиями, нужными для приобретения сведений и для открытий. <... > Второй период. Юношество. От 13 до 18 лет. Учение подробное. Продолжая сравнение, назовем сей период самым путешествием. Путеводный компас в руках. Карта известна. Дороги означены. Нет опасности заблудиться: ум приготовлен, любопытство пробуждено. Третий период. Первые годы молодости. От 18 до 20-ти лет. Учение применительное. Этот период мы сравним с окончанием путешествия. Сведения собраны, остается их обозреть, привести в порядок и определить, какое должно быть сделано из них употребление» [7, с. 233].

Итак, завершающий этап, «учение применительное», предполагал погружение в реалии собственной страны и «инореальность» посредством специально организованных многомесячных путешествий по России и Европе. Образование и воспитание цесаревича Александра Николаевича, воспитанника В.А. Жуковского, завершится (в соответствии с «Планом») большими познавательными путешествиями (1837–1839). В мае 1837 г. девятнадцатилетний цесаревич Александр отправился в семимесячное путешествие по

своей стране, а ровно через год – в пятнадцатимесячное путешествие по Европе (1838–1839). Именно эти путешествия и станут эталоном для всех последующих образовательных вояжей великих князей.

Путешествия молодого Александра Николаевича были организованы с немислимым доселе размахом: пятнадцатилетняя подготовка, кропотливый подбор участников (В.А. Жуковский только четвертый в списке основных сопровождающих, так как «слишком романтично» настроен), качественное жандармское сопровождение, подробное информационное освещение и т.д. Путешествия наследника решали целый комплекс задач: воспитательные, образовательные, практически-инспекционные, внешнеполитические и другие. Но центральной стала идеологическая составляющая. Путешествие по России мыслилось как «венчание» с Россией, как единение крепкой, здоровой самодержавной власти и почитающего ее народа, как путешествие по Святым местам, движение по истории и по Библии представителя самой правильной и праведной монархии [6]. Не случайно после российского путешествия цесаревича Александра А.Х. Бенкендорф, шеф жандармов, запишет: «Что же касается до пользы политической, моральной, сим путешествием достигнутой, то она по всеобщему всех разумению огромна. Наследник и народ российский взаимно познакомились, полюбили друг друга и соединились узами неразрывными» [20, с. 162]. И даже заграничное путешествие цесаревича Александра (1838–1839) европейским будет только по географии, но представления, взгляды, которые формируются в ходе этого вояжа, – это российско-центрированные представления, это взгляд на Россию через европейские реалии [17].

Таким образом, образовательные вояжи российских наследников престола и великих князей подготовлены историей развития культуры путешествия. Возникнув в конце XV – начале XVI вв. как практика отправки в Европу молодых отпрысков английской знати, образовательные путешествия через всеевропейское осмысление XVII–XVIII вв. (культуру «Grand Tour», тексты эпохи Просвещения, российские венценосные путешествия XVIII в.) постепенно превращались в обязательный элемент образования и воспитания наследников российского престола. Эти путешествия решали разнообразные задачи (воспитательные, образовательные, практически-инспекционные, внешнеполитические, идеологические) и даже влияли на политический и культурный «климат» России. Эталонными стали образовательные вояжи цесаревича Александра Николаевича (1837–1839) как наиболее проработанные, выстроенные в рамках целостной

образовательной стратегии, в которых была впервые реализована концепция «венчания» наследника с Россией.

Библиографический список:

21. Абрамова И.И. Значение «Гранд-тур» в образовании и воспитании джентльмена // Ярославский педагогический вестник. 2006. № 3. С. 75-82.
22. Бессарабова Н.В. Путешествия Екатерины Великой по России: от Ярославля до Крыма. М.: Эксмо, 2014. 349 с.
23. Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Ч 3. Томск: Издательство Томского университета, 1988. С. 74-137.
24. Блудилина Н.Д. Западное учение и русские ученики // Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники последней трети XVIII века. Выпуск 3. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 191-224.
25. Буянова Н. Великий маринист и царская семья // Галерея. 2016. № 16. С. 53-68.
26. Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год / Сост. Л.Г. Захарова, Л.И. Тютюнник. М.: Издательство МГУ, 1999. 184 с.
27. Жуковский В.А. Подробный план учения Государя Великого Князя Наследника Цесаревича. 1826 // Русская старина. 1880. № 2. С. 227–254.
28. Зазулина Н. Миссия великого князя. Путешествие Павла Петровича в 1781-1782 годах. М.: Бослен, 2015. 544 с.
29. Ибнеева Г.В. Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 469 с.
30. Канунова Ф.З. Вопросы мировоззрения и эстетики В.А. Жуковского: (По материалам б-ки поэта) / Том. гос. ун-т им. В. В. Куйбышева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С. 142-157.
31. Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция LIX [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Klyuchevskij/kurs-russkoj-istorii/58 (дата обращения: 05.04.2018).
32. Лазарев А.В. Париж иностранцев эпохи *ars apodemica* (1570-1640 гг.) // Одиссей: человек в истории 2009. Путешествие как историко-культурный феномен. М.: Наука, 2010. С. 148-174.
33. Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Труды по знаковым системам. II. Тарту, 1965. С. 298.
34. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Н.М. Карамзин Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 525-606.
35. Лотман Ю.М. Руссо и русская культура XVIII в. // Эпоха Просвещения. Л.: Наука, 1967. С. 272—274.
36. Мазин К.А. «Всю жизнь в дороге — и умер в Таганроге»: странствия императора Александра I // Современные проблемы сервиса и туризма. 2009. № 2. С. 9-22.
37. Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838–1839 / Под ред. Л. Захаровой, С. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2008. 744 с.
38. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т.23: Письма Императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму (годы с 1774 по 1796) / Изд. и предисловие акад. Я.К. Грота СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1878. С. 585-586.

39. Победоносцев К.П. Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М.: Тип. Грачева и Комп., 1864. 568 с.
40. Россия под надзором. Отчеты III отделения. 1827-1869 / Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М.: Российский Фонд Культуры, Российский Архив, 2006. 702 с.
41. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.marsexx.ru/tolstoy/russo-emil5.html#100>. (дата обращения: 05.04.2018).
42. Сазонова Л.И. Переводная художественная проза в России 30-х — 60-х годов XVIII в. // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М.: Наука, 1982. С. 127-139.
43. Сивков К.В. Путешествия русских людей за границу в XVIII веке. СПб.: Тип. Энергия, 1914. 134 с.
44. Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. В 2-х т.: Т.1. М.: ОГИ, 2002. 605 с.
45. Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. 6: Царевич Алексей Петрович. СПб.: тип. II-го отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1859. С. 15-34.
46. Федоров С.Е. «Увидеть Париж и...»: путевые заметки юного англичанина // Одиссей: человек в истории 2009. Путешествие как историко-культурный феномен. М.: Наука, 2010. С. 130-147.
47. Шильдер Н.К. Император Александр Первый: его жизнь и царствование. Т.1. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1897. С. 153-160.
48. Янушкевич А.С. Путешествие В.А. Жуковского с великим князем по России в 1837 году как имагологический текст // Диалог культур: Поэтика локального текста. Горно-Алтайск, 2014. С. 14-23.
49. Dickinson S. *Breaking Ground – Travel and National Culture in Russia from Peter I to Era of Pushkin*. Amsterdam-New York: Rodopi, 2006.

Ardasheva M.E. From Grand Tour to «Marriage» with Russia: Educational Journeys of the Heirs to the Russian Throne

This article explores the emergence and development of the idea of educational journeys for the heir to the Russian throne. The author studies the paradigm shift in attitude towards space in the 18th century, analyses the first educational journeys of the Romanoff family members, traces the influence of the Grand Tour culture on the practice of educational journeys, studies some of the Enlightenment era texts, that determined the development of the idea of crown prince's educational journeys, and identifies the “benchmark” journeys.

Keywords: Russia, educational journey, Grand Tour, crown prince

УДК 304.4

Н.Е. Мельникова

Онлайн-образование в оптике отечественной и зарубежной высшей школы

Аннотация:

В статье рассматривается комплекс проблем онлайн-образования в оценках отечественных и зарубежных авторов. При сравнении направлений исследовательских работ, а также научных конференций разного уровня (отечественных, зарубежных, международных) в области изучения проблем онлайн - образования выделяется ряд схожих проблемных полей, наряду с которыми обнаруживаются и специфические характеристики, обусловленные предшествующим опытом и традициями организации образования.

Ключевые слова: массовые открытые онлайн курсы, проблемы эффективности MOOK, формат онлайн-образования, типы онлайн-курсов, виды MOOK, рынок онлайн – образования

Об авторе: Мельникова Наталия Евгеньевна, кандидат философских наук, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: melnikovane@mail.ru

Новые формы и технологии в образовании всегда вызывают интерес не только в профессиональной среде, но и в обществе в целом, поскольку все, что связано с образованием, актуально для каждого. Осторожность, с которой воспринимается новизна, оправдана социальными функциями этого института, и последствия неудачного нововведения могут быть непредсказуемыми. В этом смысле объясним интерес к онлайн – образованию, его форматам, типам, видам и проблемам. Характеристики возможностей MOOK, дискуссии вокруг онлайн-курсов в отечественных и зарубежных образовательных и финансовых кругах, характеризующих курсы как революцию в образовании [4, с. 256-258], «тектонический сдвиг» в образовании, напоминают о более ранних процессах, описанных М. Маклюэном, например, о роли книгопечатания в изменении картины мира человека, влиянии фонетического алфавита на формирование нового типа восприятия или идею о том, что представители бесписьменных обществ не могут воспринимать

кинофильмы или фотографии без длительной предварительной подготовки [10]. Автор обращается к статье профессора Джона Вилсона из Африканского института при Лондонском университете, который, пытаясь использовать фильм для обучения туземцев чтению, описал любопытный факт: «Один человек - санитарный инспектор - снял фильм, в котором в режиме замедленного действия рассказывалось о том, что необходимо предпринять членам обыкновенного домохозяйства, проживающим в первобытной африканской деревне, для того, чтобы избавиться от стоячей воды: осушать лужи, собирать и выбрасывать пустые консервные банки и т.п.. Мы продемонстрировали этот фильм аудитории, а затем задали вопросы об увиденном. Зрители утверждали, что видели курицу, а мы даже не знали, что в кадре присутствовала эта домашняя птица! Тщательно отсмотрев всю пленку, мы обнаружили, что на какую-то секунду в угол одного из кадров действительно попала курица. Кто-то испугнул ее, и она пробежала через правую нижнюю часть кадра. И это все, что зрители сумели увидеть» [10, с. 80].

Напрашивается параллель с осознанностью выбора МООК (массовых открытых онлайн курсов) для изучения, с оценками их эффективности, когда при показателях от 5% до 13% завершающих обучение [7, с. 27], возможно утверждение о том, что число завершивших обучение не является критерием эффективности. Профессор Стэнфордского университета, сооснователь Coursera Дафна Колер в интервью журналу «Сноб» дает разъяснения: «когда обвиняют онлайн-курсы в том, что мало людей их оканчивают, немного преувеличивают. Да, есть статистика, которая говорит о том, что только 5% проходят онлайн-курс до конца. Но давайте разберемся, как складываются эти цифры. Из тех, кто нажал на кнопку «записаться», половина даже не появляется на сайте в первый день занятий, то есть вообще не начинает проходить курс. Из той половины, которая начинает «ходить» на занятия, половина смотрит, например, один видеоролик и решает, что это им не нужно — допустим, они записались на класс по астробиологии, потому что думали, что это астрология, а когда они посмотрели ролик, то поняли, что это научный курс. Из той четверти, которая остается, многие просто смотрят видеолекции и никогда не выполняют задания, потому что у них и не было намерения закончить этот курс в традиционном понимании этого слова, для них это в большей степени просмотр документального видео для общего образования. Поэтому вопрос, который надо себе задавать: сколько человек из тех, кто был серьезно настроен и хотел получить сертификат по окончании курса, это сделали? И эта цифра — примерно 70%» [8].

В то же время обращает на себя внимание успешный многообещающий опыт обучения инженерным программам с помощью онлайн – курса, представленный Омским государственным техническим университетом [6]. Массовый открытый экспресс-курс «2D+3D проектирование в AutoCAD», размещенный на онлайн платформе Лекториум (<https://www.lektorium.tv/mooc2/27403>), создавался по запросу работодателей и, как подчеркивают авторы, «пользуется большим спросом, что подтверждает количество пользователей, зарегистрированных на курс в течение двух лет, оно приближается к 8000 человек» [6, с. 82]. Авторы описывают кумулятивный эффект курса, который был направлен на освоение слушателями практических навыков работы в графическом пакете AutoCAD. Кроме того, пользователи программы AutoCAD при оценивании работ учащихся других групп, что является одним из блоков заданий, получают навыки прочтения и анализа чертежей. Это не только закрепляет отдельную компетенцию, но важно с точки зрения того, что курс черчения выпал из школьной программы. Будучи обязательным при подготовке инженеров, он требовал самостоятельного освоения учащимися. Таким образом в ходе освоения курса был решен дополнительный комплекс задач.

В характеристике форматов онлайн-образования инвариантом выступают следующие блоки [2]:

- в рамках **вузовского дистанционного образования**, рассчитанного на собственных студентов, преимущественно заочников, а также любых других пользователей образовательных онлайн-услуг;
- в виде **онлайн-площадок**, предлагающих различные образовательные курсы, выдающие по их окончании соответствующие сертификаты, и аналогичные площадки без выдачи сертификатов.
- **онлайн-репетиторство**, неформальное (вне всяких организационных рамок) индивидуальное онлайн-обучение по скайпу.

Следует отметить, что при достаточной частоте обсуждения проблем и перспектив онлайн – образования окончательного определения и различения онлайн и офлайн образования не представлено. В исследованиях отечественных авторов вслед за типологией, предложенной The Sloan Consortium в 2007 г. выделяются типы курсов, по количеству онлайн составляющих

- Онлайн-курс, где большую часть контента студенты получают онлайн (80%).

- Курсы с веб-поддержкой, в которых используются веб-технологии в качестве дополнительного, а не основного способа подачи контента (от 1% до 29% контента).

- Смешанные или гибридные курсы, где классический способ подачи контента сочетается с онлайн-активностью (от 30% до 79% контента подается онлайн) [9, с. 23].

Виды массовых открытых онлайн курсов (МООК):

- сМООС (connectivity МООС) – социальный подход к обучению – это *открытое сердце: вы становитесь частью сообщества, которым вы будете приняты и обласканы*

- хМООС – это *открытая дверь: вы можете войти и слушать бесплатно*» [1; 7, с. 27; 15, с. 145].

По наблюдениям большинства отечественных и зарубежных исследователей, эйфория относительно МООК прошла. Однако вопрос о монетизации курсов не снимается [5]. По мнению И.Б. Готской и В.М. Жучкова «тренд на расширение платных программ и курсов подтверждает открытие в 2016 г. на образовательной платформе Coursera программ Иллинойского университета: магистерской программы по анализу данных (ее стоимость будет в три раза меньше, чем аналогичная магистерская онлайн программа в университете Беркли), онлайн программы MBA» [3, с. 123]. Амар Кумар, заместитель советника по вопросам образования издательства Pearson, считает, что «эволюция МООС должна повернуть в русло развития селективных открытых онлайн-курсов (SOOCs), которые будут иметь две особенности. Во-первых, чтобы поступить на курс, необходимо будет доказать, что ты уже владеешь определенными компетенциями: выполнить тест, подтвердить наличие степени или членство в сообществе выпускников. Эксперт считает, что таким образом сформируются более однородные группы, а это приведет к плодотворному сотрудничеству и улучшению успехов учащихся. Во-вторых, эти курсы будут платными» [16].

Стать преемником или составить конкуренцию МООСs, в таком случае, могут SOOCs (selectively open online course) и SPOCs (small private online course) [3].

В 2017 г. группа компаний и исследовательских центров (Нетология Групп, ГУ НИИ ВШЭ, ФОМ и др.) провела системное исследование рынка онлайн-образования «Исследование российского рынка онлайн-образования и образовательных технологий» [14]. Финансовый срез исследования характеризует «объем мирового рынка образования

— \$4,5–5,0 трлн, и в ближайшие годы он обещает увеличиться до \$6–7 трлн. (Education International). Доля онлайн в нем — около 3%, или \$165 млрд. Благодаря устойчивой динамике роста к 2023 г. цифровая часть индустрии обещает преодолеть отметку \$240 млрд, прибавляя более чем по 5% в год (Global Market Insights). А по более оптимистичному прогнозу, достигнет величины \$252 млрд уже к 2020 г. при среднегодовом приросте в 17% (EdTechXGlobal, IBIS Capital).

США - наиболее крупный и зрелый рынок в EdTech, и темпы его прироста замедляются - приблизительно +4,0-4,4% ежегодно.

Второй по величине регион - Юго-Восточная Азия, в первую очередь Китай и Индия, набирающий обороты значительно быстрее (+17%). В 2016 г. он обогнал Западную Европу: \$11,7 млрд против \$6,8 млрд. (GSV Advisors, Global Market Insights). Пока по объему рынка Восточная Европа, с ее \$1,2 млрд, отстает от Западной, зато набирает обороты заметно быстрее (+17%) (Docebo, Global Market Insights).

Драйвер рынка Восточной Европы - Россия, со среднегодовым ростом, по разным оценкам, в 17–25%. [TAP Advisors, J'son & Partners Consulting, Ambient Insight, Edutainment]» [14].

В подходах к анализу онлайн-образования отечественными исследователями можно выделить несколько проблемных блоков, аккумулированных в подходах:

- Бизнес-сообщество: онлайн – образование – перспективный и многообещающий сегмент рынка [2]. Например, «Нетология-групп» при поддержке «Сколково» организовали 20-21 апреля 2018 г. в Москве «EdmarketConf» [11] - практическую конференцию по онлайн-образованию с участием ведущих игроков EdTech. Направления работы предусматривали секции: для сотрудников компаний, работающих в сфере онлайн-образования; для предпринимателей, которые ведут или планируют проекты в области онлайн-образования; для HR-специалистов, использующих онлайн-образование для решения своих бизнес-задач.

- Академическая среда, основные вопросы которой [2]: в каких направлениях, в каких формах происходит влияние онлайн-образования на институт образования в целом? может ли онлайн-образование в ближайшем будущем вытеснить (заменить) традиционное университетское образование? каковы проблемы развития онлайн-образования в России? в каких форматах сегодня существует онлайн-образование?

Ежегодная конференция, проводимая The Sloan Consortium, — одна из крупнейших в мире, посвященных онлайн-образованию. В 2013 г. конференция прошла под названием

«Онлайн-образование: вселенная возможностей» (*Online Learning: A Universe of Opportunities*) [13]. Среди проблемных блоков: качество онлайн-обучения; проблема эффективного сочетания в образовании лекционных, гибридных (смешанных) и дистанционных курсов; сравнительный анализ позиций «за» и «против» MOOK; формирование навыков подготовки MOOK начиная с определения аудитории и ее мотивации и, соответственно, педагогических технологий, до технического обеспечения, качество и эффективность экзаменационной отчетности, проводимой в онлайн-форме. Отдельно заявлен семинар для руководителей кампусов по обсуждению использования инвестиций в онлайн-образование [18]. Кроме того, анализируется роль онлайн - образования в рамках реализации программы реформ Президента Б. Обамы, результаты которых ожидаются к 2020 г., в частности, вопросы развития сетевых образовательных ресурсов, государственных инвестиций в образование и грантовой поддержки [17].

При сравнении направлений работ научных конференций разного уровня (отечественных, зарубежных, международных) в области изучения проблем онлайн - образования выделяются ряд схожих проблемных полей, что несколько неожиданно, учитывая временной разрыв (онлайн - образование в России активно позиционируется лишь с 2013 г.), колоссальную разницу в финансировании образования и пр. Впрочем, анонс на сайте OLC Collaborate конференции в апреле 2019 г. в Денвере (штат Колорадо), на которой представители профессионального сообщества (профессионалы онлайн-обучения, педагоги и администраторы) будут обсуждать проблемы и делиться практическим опытом реализации инноваций в образовании содержит очень знакомую риторику, например: «Вместе мы бросим вызов нашим парадигмам преподавания и обучения, переосмыслим опыт обучения и представим, как решение проблемных полей в образовании сегодня будет формировать инновационный класс завтрашнего дня» [12].

Библиографический список:

1. Вьюшкина Е.Г. Массовые открытые онлайн-курсы: теория, история, перспективы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15, Вып. 2. С. 78-83.
2. Готлиб А.С. Сможет ли онлайн-образование стать альтернативой традиционному университету? [Электронный ресурс] // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 1. С. 15-22. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/smozhet-li-onlayn-obrazovanie-stat-alternativoy-traditsionnomu-universitetu> (дата обращения: 03.11.2018).

3. Готская И.Б., Жучков В.М. Современное состояние, проблемы и перспективы развития массовых открытых онлайн курсов // Преподаватель XXI век. 2016. № 4. С. 117-127.
4. Гриншкун В.В., Краснова Г.А. Особенности использования массовых открытых образовательных электронных курсов в российских и зарубежных вузах // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2017. Т. 14, № 3. С. 255-266.
5. Иванова Т.Г. Онлайн - образование: прагматизм вместо эйфории [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал. 2016. №1 (4). С. 305-315. Режим доступа: https://mgimo.ru/library/publications/on_layn_obrazovanie_pragmatizm_vmesto_eyforii/ (дата обращения: 03.11.2018).
6. Кайгородцева Н.В., Лузгина В.Б. Приобретение практических компетенций посредством открытого онлайн-курса // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 79–84.
7. Каракозов С.Д., Маняхина В.Г. Массовые открытые онлайн - курсы в зарубежном и российском образовании // Вестник РУДН, серия Информатизация образования. 2014. № 3. С. 24-30.
8. Коллер Д. Получить качественное образование должно быть так же легко, как включить воду [Электронный ресурс] // Кнорре Дмитриева К. Блог «Сноб». Режим доступа: <https://snob.ru/selected/entry/98034> 18.09.15 (дата обращения: 03.11.2018).
9. Мазуров А.Ю. Массовые открытые онлайн-курсы в контексте современного образовательного процесса в сфере высшего образования [Электронный ресурс] // Открытое и дистанционное образование. 2015. № 1 (57). С. 20-26. Режим доступа: http://journals.tsu.ru/ou/&journal_page=archive&id=1169&article_id=19562 (дата обращения: 03.10.2018).
10. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего / Пер. И.О. Тюриной. М.: Академический Проект: Фонд «Мир», 2005. 496 с.
11. Сайт EdmarketConf Практическая конференция по онлайн-образованию и корпоративному обучению [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://edmarketconf.ru/> (дата обращения: 03.10.2018).
12. Сайт OLC Innovate Education Reimagined [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://onlinelearningconsortium.org/attend-2019/innovate/> (дата обращения: 03.11.2018).
13. Сайт АНО Центр Образовательных Технологий [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iedtech.ru/events1/abroad/2014-sloan-consortium/> (дата обращения: 03.11.2018).
14. Сайт Исследование российского рынка онлайн-образования и образовательных технологий [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://edumarket.digital> (дата обращения: 03.10.2018).
15. Титова С.В. MOOK в российском образовании // Высшее образование в России. 2015. № 12. С. 145-151.
16. Тулина Е. Могут ли массовые онлайн-курсы быть слишком открытыми? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://newtonew.com/opinion/mogut-li-massovye-onlajn-kursy-byt-slishkom-otkrytymi> (дата обращения: 09.11.2018).
17. Access Denied // Сайт Online learning consortium [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://secure.onlinelearningconsortium.org/conference/2013/aln/role-online-and-technology-enabled-learning-meeting-president-obama%E2%80%99s-2020-gradu> (дата обращения: 03.11.2018).
18. Proceedings // Сайт Online learning consortium [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://secure.onlinelearningconsortium.org/conference/2013/aln/proceedings> (дата обращения: 03.11.2018).

Melnikova N.E. **Online education in the optics of russian and worldwide higher education**

The article explores the complex problems of online education in the optics of russian and worldwide higher education.

Keywords: Massive Open Online Courses, the problems of the effectiveness of the MOOC, format of online education, types of online courses, online education market

УДК 316.1

Н.Г. Багдасарьян, Н.Е. Миронова

Этические проблемы социологии: скрытые аспекты

Аннотация:

В статье анализируется усложнение профессии социолога в свете реалий современной науки, все в большей мере актуализирующей ценностные аспекты, проблемы этики исследователя. Особое внимание авторы уделяют вопросам нормы и морали, проблемам, стоящим перед социологом-консультантом во время проведения исследования в организации.

Ключевые слова: человек, социология, этика, проблема, управление, предприятие

Об авторах: Багдасарьян Надежда Гегамовна, профессор, доктор философских наук, Государственный университет «Дубна», заведующий кафедрой социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: ngbagda@mail.ru

Миронова Наталия Евгеньевна, Государственного университета «Дубна», аспирант кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: nataliya.e.mironova@yandex.ru

Еще в начале минувшего века Макс Вебер писал: «Не существует совершенно никакого «объективного» научного анализа культуры... Все знание культурной действительности... всегда является знанием, искаженным точкой зрения. ... «Объективный» анализ культурных событий, проводимый в соответствии с тезисом о том, что идеалом науки является редукция эмпирической действительности до «законов», бессмысленна... [поскольку]... знание законов общества не равнозначно знанию общественной действительности, но является скорее одним из многих способов, которые наш разум использует для достижения этой цели» [14].

Эта мысль великого социолога о возможных (и неизбежных) «искажениях» в анализе социокультурной реальности не только не потеряла своего значения в наши дни, но и приобрела – в связи с большей распространенностью исследовательского поля, ростом числа исследователей, усложнения самой реальности – чрезвычайную

актуальность. Общество, как особая реальность, обладает несколько иными свойствами, чем просто сумма индивидов. Это вовсе не исключает веберовского принципа методологического индивидуализма, согласно которому различные коллективные институты (нации, политические и религиозные структуры, предприятия) следует рассматривать исключительно как продукт действий отдельных личностей. Но главенствующее правило социологии заключается в том, что конкретные социальные явления должны объясняться исключительно социальными явлениями, чтобы максимально избежать «психологической или биологической редукции» [9, с. 15]. Данное правило подчеркивает значимость социологии как науки и обосновывает ее как самостоятельную отдельную дисциплину.

Социологу, который исследует общество, оно предъявляет особые требования. Сложность профессии состоит в том, что в любом исследовании возникают факторы и обстоятельства, препятствующие достоверности конечного результата. Их преодоление опирается на ряд качеств, совершенно необходимых профессионалу. Кроме того, что социолог должен обладать широким кругозором, математическим складом ума, уметь контактировать с людьми, быть беспристрастным, уровень его профессионализма прямо связывается с ответственностью за результаты проведенных им исследований.

Отсюда – целый ряд этических проблем социологической науки.

Например, социологическое исследование, сделанное на заказ в организации, чаще всего подразумевает выполнение работы для удовлетворения чьих-то нужд, потребностей. В понимании заказчика результаты исследования должны подтверждать лишь те проблемы, о которых он знает сам. Вскрытие неявных (глубоких), но острых проблем часто негативно воспринимается топ-менеджментом, подрывая их авторитет в глазах подчиненных, снижая управляемость, и деструктивно влияет на процессы стратегического планирования. Парадокс ситуации состоит в том, что руководство для управленческой консультации изначально нанимает беспристрастного и ответственного исследователя «из сообщества независимых, компетентных, имеющих гражданскую позицию экспертов со сформированной потребностью в социальной компетентности, свободного от фундаменталистских, анархических установок и идей» [4, с. 147]. Перед заказчиком всегда стоит вопрос – хочет ли он, чтобы социологическое исследование формально подтвердило какие-либо факты или же оно максимально объективно должно вскрыть существующие проблемы, найти «узкие места», ограничить круг проблем, и на основе полученного знания можно будет принимать эффективные управленческие решения. Если

же социолог следует за желаниями заказчиком, он оказывает псевдоуслугу, не решающую действительных проблем [2, с. 124]. С другой стороны, в случае обнаружения тех социальных явлений, которые руководство предпочитало бы не афишировать, исследователь подвергается риску отрицательных рекомендаций и их последствий о себе как о специалисте в кругах топ-менеджмента иных организаций, потерей денежных средств, моральным травмам и психологическим нагрузкам.

Социальное управление в условиях перманентной глобализации представляет собой инновационную деятельность, осуществляясь в условиях изменений экономической, социальной, политической и иных видов обстановки. Соответственно, управленческие решения требуют поиска новых методов, средств и форм, а также резервов усиления системы менеджмента. Реалии современного социального управления, «неудержимое подражание западному опыту без учета социально-экономических условий России», ориентация топ-менеджмента исключительно на экономику и получение прибыли ограничивают работу многих исследователей процесса [6, с. 515]. При этом если получение прибыли сопровождается достижением конкретных социальных целей, то «благополучие человеческих ресурсов и социальная защищенность становятся дополнительным видом роста эффективности деятельности», обеспечивая стабильность и развитие компании [12, с. 43].

Специфической особенностью социального управления (как целенаправленного воздействия на организацию или процесс) является то, что объектом управления в ней выступают «организованные трудовые коллективы, учреждения, акционерные и частные производственные и коммерческие объединения» [5, с. 158]. Наличие системы управления предполагает единство субъекта и объекта управления. С одной стороны, субъект управления может управлять объектом с помощью различных команд, средств и методов. С другой стороны, объект управления имеет определенные мотивы, средства и способности для выполнения указаний руководства [7, с. 615]. Реальные трудовые отношения в некоторых организациях имеют конфликтные состояния, фундаментально подрывая единство системы. Социолог при проведении исследования должен быть готов к непредсказуемости и неожиданным изменениям, многие из которых угрожают целостности коллектива, функционированию трудовых отношений. Перед исследователем в данном случае стоит задача не только выявления «узких мест» для устранения неэффективного управления, но и преодоления кризисов, спровоцированных действиями людей, «мотивы поведения и потребности которых часто носят нерациональный,

труднопредсказуемый, эгоистический характер» [8, с. 110]. Оценка данных факторов и выбор методики устранения межличностных проблем – не слишком легкая для социолога задача. Здесь необходимы еще и психологические кондиции. Не подменяя психолога, социолог, включая в исследование анализ мотивов поведения людей, выявляет истинные трудности и скрытые проблемы. Консультирующий социолог должен уметь отвечать на современные запросы, иметь «soft-skills»¹ и обладать множественными навыками. В частности, находить исследовательский консенсус: между управлением проблемами и антикризисным планированием, управлением в условиях кризиса и посткризисным восстановлением, переходу к нормальной работе фирмы. Справедливо отметить, что эти функции входят в компетенцию менеджера по антикризисному управлению, но и социолог должен понимать стратегию разрешения управленческих проблем.

Одним из противоречивых и проблемных методов в социологии является социометрия. Основная идея социального измерения (социометрии), артикулированная американским психиатром и социальным психологом Джоном Морено – обнаружение сильных межличностных связей между членами групп, наиболее импонирующих друг другу и наоборот. На основе этих связей фиксируются конфликты и напряжения из-за несоответствия состава микро и макрогрупп. Социометрическая методика, исследуя симпатии и, соответственно, антипатии, призвана изменять взаимодействие внутри структурных подразделений и социальных групп, выявляя самых близких или, наоборот, психологически неприемлемых друг для друга сотрудников. Этические проблемы при применении данного метода состоят в том, что актуализируются вопросы личного, глубоко эмоционального плана, без осознания работниками, что социометрия необходима для устранения проблем, решения задач не только лишь в контексте микро-стратегии, позволяющей достичь «простых линейных результатов, находящихся в зоне ближайшей видимости» [11, с. 382]. В большинстве случаев коллектив не понимает всей важности метода социометрии и относится к нему как к некому психологическому тренингу или тесту для подтверждения социального статуса «своего» или «чужого». Безусловно, даже при анонимности социометрического эксперимента, некоторые боятся, что их ответы каким-либо образом предадут огласке и коллектив узнает об антипатиях, что может привести впоследствии к открытому конфликту на предприятии. Единственным выходом,

¹Гибкие навыки (инициативность, находчивость, умение спокойно относиться к энтропии, умение масштабировать свой труд, любопытство, энтузиазм, амбициозность, стремление к самосовершенствованию, терпение, чувство юмора и т. д.)

по мнению участников социометрических исследований, недопущения подобного развития событий является ложь при ответах, скрытность или принципиальное отсутствие ответов. Социолог в данном случае не имеет возможности объективно и полно обработать полученные данные, выяснить симпатии и антипатии внутри микрогрупп, предложить руководству (заказчику исследования) пути решения актуальных задач. Во многом при применении социометрического метода в организации руководству изначально стоит настроить коллектив, предпринять возможные действия, чтобы в понимании каждого работника было осознание всей важности проведения такого измерения. Члены группы должны быть информированы о добровольности участия, анонимности, конфиденциальности, отсутствии вреда. С целью соблюдения необходимой практики исследования может возникнуть необходимость проведения на предприятии постоянного полевого надзора или же проведения тренинга.

Одной из наиболее ярко выраженных проблем социологии является этика социолога, мировоззрение, эмпатия, личная мораль [3, с. 128]. Основы нравственных качеств закреплены в различных вариациях кодекса социолога, где формируется единая система ценностей профессиональной деятельности исследователя. Однако практика его работы основывается не только на соблюдении формально закрепленных постулатов, но и на личных ценностях, индивидуальном и уникальном опыте, культуре поведения и морали: «ответственный сбор данных и предвосхищение последствий публикации результатов третьими лицами – обязанность, которая не может быть опущена социологом даже при конфликте социальных интересов» [13, с. 106].

К непосредственным обязанностям социолога можно отнести и соблюдение международных и национальных правовых положений, принятых стандартов этики. В частности:

1. Получение согласия комиссии по профессиональной этике на проведение социологического исследования.
2. Получение поддержки общественных и государственных корпораций, их содействие и заинтересованность в развитии исследования.
3. Подготовка исследователя к проведению работы с респондентами, которая включает в себя определение уровня грамотности и образованности человека, его защиту и умение реагировать на вопросы, нахождение респондента в сложной жизненной ситуации или в состоянии алкогольного (наркотического) воздействия.

4. Обеспечение команды исследователей-социологов подтверждающими документами (например, удостоверениями).

5. Рассмотрение способов привлечения в группы исследования маргинализированных и менее заметных слоев населения вместе с более активными и доступными.

6. Решение вопросов морального и материального поощрения участия людей в исследовании, необходимой компенсации на транспортные расходы.

7. Защита респондентов с целью конфиденциальности и анонимности при проведении исследования.

8. Уведомление заказчиков целевой группы исследования и иных заинтересованных сообществ о результатах проведенного социологического исследования.

При изучении всего многообразия социальности (например, социальных: организаций, конфликтов, контроля и взаимодействия) социолог-профессионал должен осознавать, что его интерпретация результатов исследования, их объективность и точность влияют на достоверность результатов его коллег, использующих первичные данные. От профессионализма и точности социолога во многом зависят возможность решения социальных противоречий, успех разрешения конфликтов и сохранение социальной стабильности.

Возрастающая роль профессиональной этики исследователя обусловлена усилением позиции профессиональной морали в жизни современного общества. Необходимость повышения моральных требований, обновления этических кодексов прежде всего проявляется в тех областях деятельности, которые связаны с обучением, «воспитанием и удовлетворением потребностей» [10, с. 95]. Профессиональная деятельность социолога относится к данному виду, так как она призвана не только развивать социальные процессы, но и самосовершенствовать личность. В специализированной литературе дефиниции профессиональная «этика» и «мораль» часто синонимичны. Однако есть принципиальное различие: об этике принято говорить в связи с наличием прописанных этических норм для конкретных групп специалистов (например, кодекс этики социолога), а нормы морали не всегда закреплены в письменном виде и подразумевают высокое нравственное начало человека, «регулирующее поведение профессионала» [1, с. 87].

Важная составляющая профессиональной деятельности – доверие со стороны общественности, коллег, спонсоров и клиентов исследования. Руководство предприятия должно доверять исследователю, вместе с ним вырабатывать критический взгляд на социальные процессы в организации, искать пути активизации человеческого фактора, учитывать социальные и психологические настроения в коллективе с учетом присущей людям изменчивости и нестабильности в межличностных отношениях, которые прямым образом влияют на результативность их работы. Топ-менеджмент любой фирмы должен понимать, что с помощью социологических методов легче исследовать и выявлять причины в начале конфликтной ситуации, чем их устранять на фоне пикового столкновения интересов и, возможно, противоборства работников, которые влекут за собой снижение результатов труда, потерю прибыли и падение иных экономических показателей деятельности организации. Вспомним здесь вновь веберовский принцип методологического индивидуализма, постулирующий значимость индивида в формировании социальности.

Библиографический список:

1. Абрамов Р.Н. Профессиональная этика в контексте социологии профессий: зарубежный опыт // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 87-94.
2. Аймаутова Н.Е., Онзимба Ленюнго Ж.Б., Трыкина О.А. Этические проблемы социологической работы в условиях рынка // Вестник РУДН. 2013. № 2. С. 124-138.
3. Быков А.В. Социология морали и эволюционная теория: история и перспективы взаимодействия // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 127-136.
4. Волков Ю.Г. Социология будущего: социологическое знание и социальный проект. М.: КНОРУС, 2018. 178 с.
5. Григорян М.Э. Определения дефиниции «социальное управление» и функции социального развития современной организации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1. С. 157-159.
6. Демидова С.С., Семенова В.Г. Социальное управление производственными компаниями: критический анализ отечественных и зарубежных концепций // Современные исследования социальных проблем. 2015. №6 (50). С. 510-524.
7. Дмитриченкова Е.О. Управляемость обществом и организациями как актуальная проблема социологии управления // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2015. № 3-4. С. 613-619.
8. Зуб А.Т. Ситуационное планирование в антикризисном управлении: рецепт успеха // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 64. С. 109-139.
9. Мацкевич А.Ю., Мацкевич И.В. Возможности социологического объяснения управленческих процессов // Теория и практика общественного развития. 2016. № 6. С. 14-19.
10. Некрасов Н.А. Этические проблемы прикладных социологических исследований // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. № 3. С. 95-99.

11. Сафронов А.П. Социология управления: изнанка деловой власти. М.: ЛЕНАНД, 2017. 400 с.
12. Шепелев П.В. Сущность и содержание социального управления в современных организациях // Теория и практика общественного развития. 2016. № 12. С. 42-44.
13. Jedynek W. Ethical Problems of the Sociologists Profession. Polish Perspective // Economics and Sociology. 2014. Vol. 7, № 4. Pp. 104-112.
14. Weber M. Sociological Writings [Electronic resource] / Ed. by Wolf Heydebrand, published in 1994 by Continuum. Sections on foundations reproduced here; Transcribed: by Andy Blunden in 1998, proofed and corrected 1999. New York: Continuum, 1999. 321 с. URL: <https://www.marxists.org/reference/subject/philosophy/works/ge/weber.htm> (Access: 12.12.2018).

Bagdasaryan N.G., Mironova N.E. Ethical problems of sociology: hidden aspects

In the article, from the point of view of sociology of management, the complexity of the profession of a sociologist is considered, the system of human values is updated and the problems of the researcher's ethics are identified. The authors pay special attention to the issues of norms and morals, problems facing the sociologist-consultant during the research in the organization.

Keywords: man, sociology, ethics, problem, management, enterprise

УДК 7.711

С.О. Дмитриева

Человек и природа в урбанистической среде

Аннотация:

Статья содержит анализ истории развития и воплощения актуальных идей и проектов современных направлений архитектурной урбанистики и экологического искусства. Основная цель таких проектов – разрешение проблем современного городского пространства, в том числе сосуществования человеческого и природного в урбанистической среде.

Ключевые слова: энвайроментализм, ленд-арт, ландшафтный урбанизм, экологический урбанизм, экологическое искусство, ресайклинг-арт, эко-интервенция

Об авторе: Дмитриева Светлана Олеговна, кандидат искусствоведения, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: ru-ds@list.ru

Идеи о том, что дом и город должны не отделять человека от природы, а соединять с ней, возникали не раз на протяжении истории. Наиболее ярко подобные идеи звучали в кризисные периоды и проявлялись как утопия о перестройке не только общества, но и города как одной из ключевых его составляющих. Часть проектов оставалась на бумаге – в виде архитектурных набросков или литературных текстов, как, например, проекты архитектора эпохи французской революции Клода Николя Леду, представленные в его книге «Архитектура, рассмотренная в связи с искусствами, нравами и законодательством» (1804) («Проект города Шо»). Столетием позже, на рубеже XIX-XX вв., широкую известность приобрела теория города-сада, вдохновившая не только архитекторов, но и философов, социологов, поэтов и политиков. Идея, хорошо нам знакомая благодаря поэзии В. Маяковского, разработана в теории английского социолога Эбенизера Говарда «Города-сады будущего» (1898). Согласно Говарду, система городов-садов, окружающих мегаполис, поможет избежать перенаселения. Попытки воплотить эту теорию на практике в первой половине XX века были реализованы в самых разных регионах - от Англии до

Дальнего Востока (Дадонов В. «Социализм без политики. Города-сады будущего в настоящем» (1913)) [1].

Ключевой момент трансформации идей о сочетании природного и городского – 60-е гг. XX в. Именно в это время меняется интерпретация понятия «природа» в эстетике, и появляется веер направлений искусства, отражающих это изменение [9]. Активнее всего осмысление взаимосвязи природного и созданного человеком развивалось в рамках широкого философского направления энвайроментализм. Одним из новых направлений, практически воплощающих эти идеи, стал лэнд-арт 1970-80-х гг. Авторы проектов лэнд-арта использовали природные явления и объекты для создания произведений искусства, обладающих характеристиками окружающей среды: развитие, рост, непредсказуемость, разрушение («Спиральная дамба» и «Холм» Р. Смитсона, «Поле молний» Уолтера де Мариа).

Большинство произведений лэнд-арта намеренно удалены от городской цивилизации, однако творческое переосмысление понятия «места» (“site”) привело и к иному взгляду на городское пространство. Так, основоположник лэнд-арта Роберт Смитсон предложил новый взгляд на промышленную среду, увидев в заброшенных производственных массивах аналоги римских руин, имевших некогда также утилитарные цели, например, римские цистерны. Искусственно созданные руины имеют давнюю традицию использования (руины в классических парках), они окрашены романтическим ореолом и изменяются во времени, постепенно поглощаясь природой. Вспомним, что «Спиральный холм и разорванный круг» Р. Смитсона создан на месте промышленного песчаного карьера, а его же «Дрейфующий остров» (1970) - заросшая деревьями и заполненная камнями и грязью баржа - пример поглощения природой созданного человеком. Таким образом, руинированные промышленные объекты становятся идеальными моделями для размышления о связях природы и человека (в современной урбанистике подобные идеи развивает, например, финский теоретик и архитектор Марко Казанграде).

Тема противостояния естественной и искусственно созданной среды – ключевая для энвайроментализма второй половины XX в. Баржа, плывущая вокруг острова Манхэттен в Нью-Йорке воспринимается как кусочек природы, противостоящий каменным джунглям. Алан Сонфист создает в центре Нью-Йорка парк «Пейзаж времени» (1965-1978). Парк включает исключительно растения доколониальной Америки, участок окружен забором, отделен от окружающей застройки и осмысливается как охраняемая от

города территория. Еще ярче идею противоречия природы и города раскрывает акция Агнес Дэнеш, «Пшеничное поле – противостояние» (1982). На месте огромной мусорной свалки, образовавшейся в результате строительства Всемирного торгового центра Нью-Йорка, художница засеяла 2 акра обычной пшеницей, за полем тщательно ухаживали и к августу собрали более 450 кг урожая, который невозможно употребить в пищу из-за экологической непригодности. Зато пшеница в этом проекте стала символом пищи, энергии, мировой торговли, экономики, противостоящим башням торгового центра. Город, таким образом, отрицает основы своего же существования.

Развитие городов второй половины XX века, характеризующееся переселением в мегаполисы из сельской местности, повышением уровня миграции, значительным опережением роста городского населения по сравнению с сельским, еще более усилило конфронтацию природного и городского. Меры, призванные решить проблемы урбанизации, оказались не жизнеспособны. Следствием расширения транспортных артерий в городах стало снижение возможностей использования общественного транспорта и ухудшение дорожной ситуации. Проекты многоэтажного строительства социального жилья – однотипных панельных домов на окраинах – привели к возникновению неблагополучных районов-гетто. Один из наиболее ярких примеров – жилой комплекс Pruitt-Igoe, Сент-Луис, США (1954-1974) – тридцать три одиннадцатизэтажных дома, взорванных через 20 лет из-за невозможности справиться с уровнем преступности и социального неблагополучия района.

К началу XXI века быстрое увеличение количества мегаполисов привело к масштабному изменению оппозиции природного и городского. Сегодня город разбил окружающие его стены, он безостановочно расползается в стороны (своего рода «блицкриг» на окраины [10], в результате, создается равномерная промышленная зона. Общая деградация урбанистической среды – формирование агрессивно-коммерческого городского пространства, анонимность и отчуждение от человека миграционных потоков и сверхскоростей [8], а также постоянно увеличивающийся экологический дисбаланс – стали основой появления практически одновременно в 1990-х гг. нескольких направлений современной архитектурной урбанистики и экологического искусства. Их общая цель – предложить свои методы преодоления проблем, в том числе через разрешение конфликта город-природа.

Первое из этих направлений – ландшафтный урбанизм – основывается на ряде конференций конца 1990-х гг. и развивается в рамках архитектурных школ университетов

США и Великобритании, где ландшафтная урбанистика представлена в качестве самостоятельной профессиональной дисциплины. Теоретическая база направления изложена в работах Джеймса Корнера, Чарльза Вальдхайма и др., и основана на интерпретации понятия «ландшафт». Ландшафт – для архитекторов этого направления – не просто декоративный пейзажный фон, а, прежде всего, временное измерение городской среды, сложная видоизменяющаяся система, включающая не только природные объекты, но и дороги, здания, климат, социальные взаимоотношения. Как и для авторов проектов лэнд-арта ландшафт, в том числе природный, — основное средство творчества архитектора, подобное кисти для художника. Однако в отличие от намеренно удаленных от цивилизации объектов лэнд-арта ландшафтная архитектура ставит своей целью создать новое городское пространство.

Изменение во времени – основная идея ландшафтной урбанистики. В эссе “Terra Fluxus” Джеймс Корнер противопоставляет концепцию ландшафта статичного и ландшафта изменчивого (*terra firma – terra fluxus*) [10]. Почему именно земля (*terra*)? С точки зрения Корнера, решающее значение в современном городе имеет не сама по себе вертикаль строений – архитектура выше третьего этажа стилистически может быть любая, а то, как она ведет себя по отношению к земле, создавая пространство города, в котором главное – горизонталь общественного взаимодействия.

Исторически город – огороженная стеной территория – был противопоставлен природной сельской местности. Даже когда внутри города стали возникать природные рекреационные парковые зоны, это были отдельные участки, служившие лишь зеленой декорацией. Ландшафт воспринимался скорее, как живописный термин (*landscape*) и служил пейзажным фоном для архитектуры. Создавалась зеркальная ситуация: не пейзажная картина копировала природу, а наоборот, специально созданная парковая зона воспроизводила картину, используя законы построения художественного образа. В результате по отношению к природе город выступал как антитеза – человек должен был либо ограждать уголки естественной природы внутри искусственно созданного пространства, либо, с помощью города охранять человека от враждебной стихии (например, наводнений и т.д.) Соответственно, две специальности – архитектор-урбанист и ландшафтный дизайнер жестко делили профессиональные сферы влияния. Экологические проекты были нацелены, прежде всего, на охрану природы, которая воспринималась как неподвижная устойчивая среда (*terra firma*).

С точки зрения ландшафтного урбанизма законы экологии работают и в искусственной среде. Дж. Корнер анализирует город как своеобразную экологическую систему, подобную лесу или реке. Terra firma превращается в terra fluxus – пространство текущее, неопределенное, экологический баланс которого зависит от постоянной изменчивости многих факторов – начиная от времени года и климата и кончая изменениями инфраструктуры (дороги, транспорт, мосты), архитектурных и промышленных зон, социальных аспектов взаимодействия жителей. Задача нового урбанистического мышления – создать органичную природно-урбанистическую среду.

Ландшафтная урбанистика вслед за Р.Смитсоном обращается и к теме потенциала постиндустриальных элементов города, проблема использования которых характерна для всего мира (заброшенные фабрики, порты, морские гавани). Пример реорганизации постиндустриальной среды, ставшей местом социальной коммуникации и природно-рекреационной зоной – парк Хай-Лайн, построенный на заброшенной железнодорожной эстакаде в Манхеттене, Нью-Йорк (James Corner Field Operations и Diller Scofidio + Renfro, Пит Оудольф – специалист по растениям, 2009-2014) [2]. Проект Хай-лайн не только возмещает затраты за счет привлекательности туристического объекта, но и осуществляет ребрендинг территории. Район разрушающейся эстакады долгое время воспринимался как опасная промышленная зона, которую необходимо уничтожить: жителей пугали обваливающиеся части постройки, крысы, преступность. В результате реализации проекта, основанного на принципах ландшафтного урбанизма, возникла новая пешеходная зона, где, как считает Дж. Корнер, замедляется восприятие времени. На протяжении 2,4 км на высоте третьего этажа человека ожидают специально режиссированные маршруты и точки обзора, зоны для прогулки и отдыха, собрания и уединения. Прогулочные дорожки переходят в полудикие газоны, где оставлены реставрированные участки железнодорожных путей (образ промышленных руин). У тропы отсутствуют четкие очертания, она разделяется, сужается, расширяется, что создает ощущение неопределенности, романтика «руин» подчеркнута специальным покрытием – трава как бы прорастает сквозь петляющую, перешагивающую через улицы тропу. Таким образом, реализована главная задача проекта – создание нового пространства социальной коммуникации.

Итак, цель ландшафтной урбанистики – не охрана природных зон внутри города, а создание новой экосистемы, которая была бы наиболее благоприятна, прежде всего для человеческой коммуникации, инициировала общение между людьми. Интересно, что

такое понимание инфраструктуры города и природы как единой экологической системы возникает в разных областях современного архитектурного творчества. Например, оно буквально воплощено в проектах немецкой группы *Vaubotanic*. Мосты и башни, включающие деревья и растущие вместе с ними не имеют даты окончания строительства, но лишь дату начала проекта, в них заложен потенциал роста, изменчивости, непредсказуемости, незаконченности.

Идея о том, что вторичная, специально спроектированная в городе природная среда оказывает решающее влияние на развитие человека, основа еще одного направления – устойчивый или экологический урбанизм [6]. Цель этого направления – изменение деградирующей экологической и социальной обстановки мегаполиса, для которого характерны: высоко урбанизированный центр вертикальной застройки, ограниченность пешеходных пространств в центре города, ориентированность инфраструктуры на личный автотранспорт, огромные территории суб-урбий, контрасты небоскребов и трущоб. Экологический урбанизм предлагает решить проблемы мегаполисов с помощью планировки, основанной на горизонтальных структурах, сгруппированных вокруг природных комплексов, обеспечивающих экологически устойчивую систему и пространство социальной коммуникации. Наилучшим образом эти идеи реализуются в рамках эко-дистрикта – проектирования отдельного района, включающего только малоэтажную жилую застройку, в центре которой располагаются зеленые зоны (вода, парки), предназначенные для общения. Ключевую роль играет идея пешеходной доступности, преобладания экологичного общественного транспорта над личным (создаются специальные неудобства для автотранспорта и, напротив, зоны перемещения на роликах, велосипедах и т.д.), самообеспечения зданий в результате переработки отходов и использования альтернативных источников энергии. Примером действующего эко-дистрикта может послужить район Стокгольма Хаммарбю Шёстад (дословно – «город вокруг озера»). Центром общественной жизни, действительно, служит природно-водная зона, предусмотрено значительное количество земли во дворах или придомовых территориях при ограничении высоты домов семью этажами. Специальные усилия предприняты для транспортных потоков, в результате примерно половина поездок в неделю совершается жителями не на личном, а на общественном транспорте, чуть менее трети составляет пешеходное и велосипедное движение.

Однако если подобную идею создания районов с малоэтажной застройкой, возможно, хотя бы отчасти, воплотить в рамках европейских городов, то к регионам с

иной степенью урбанизации подобные технологии плохо приложимы. В Азии идея эко-дистрикта выросла до масштабных проектов эко-города, которые оказались непродуктивными и, как следствие, не реализованными. Наиболее известный пример – проект китайского города Донгтан, который должен был расположиться на о. Шонгминг, в устье реки Янцзы. План не только повторял в масштабе большого города все идеи эко-района, но и абсолютизировал их (например, предполагалось использовать *только* электро- и водородный транспорт, велосипеды, электромобили, *только* солнце, ветер и биотопливо в качестве энергии, а переработанные отходы в качестве удобрений для органических ферм). Проект утвержден в 2005 и приостановлен уже в 2006-м г.

Попытку внести экологическую составляющую в традиционную форму вертикальной застройки представляют идеи экологического проектирования, например, попытка создания в городе «вертикального леса». Подобный проект из двух небоскребов уже реализован в Милане («Вертикальный лес», Милан, архитектор Stefano Boeri 2009—2014 гг.). На террасах, окружающих каждый из этажей, размещены деревья и кустарники, которые призваны не только давать городу дополнительный кислород, но и создавать экосистему для людей, птиц и насекомых (посадки защищают помещения от пыли, палящего солнца, создают определенный уровень влажности и т.д.). По сути, в миланском проекте воплощены те же идеи ландшафтной архитектуры о единой экосистеме, включающей природный и урбанистический аспекты, однако небоскреб, как собрание офисов и частных квартир, не предполагает главной цели ландшафтного урбанизма – понимания города, прежде всего, как пространства социального общения.

Проекты архитектурного урбанизма требуют значительного вложения средств, они, как правило, осуществимы в крупных мегаполисах и охватывают далеко не все районы города. Однако проблема выживания человека в современной внеприродной урбанистической среде настолько актуальна, что породила целый ряд направлений современного экологического искусства, опирающихся на творческую инициативу отдельных авторов или городских сообществ и включающих публику в процесс реализации проекта. На смену диалогу идей пейзажного или регулярного парка пришли «парки чистого воздуха», основанные на институциональной критике практики торговли квотами на выбросы углекислого газа в атмосферу. Проект «Общественный смог» Эми Балкин позволял каждому жителю планеты мог купить кусочек чистой атмосферы для такого парка. Появился даже один «Съедобный парк» – проект Нильса Нормана, Гаага (2011) – попытка создания экологически устойчивой городской территории – арт-объекта,

включающего чистое сельское хозяйство, основанное на сборе дождевой воды, выращивании леса, использовании компоста, оригинального жилья – «круглого дома» из тюков сена с солнечными батареями вместо окон [1]. Проект выглядит как своеобразный аналог идеи эко-дистрикта, но реализован в качестве арт-объекта.

Наконец, общественные акции формата green public art или эко-интервенции [7], распространившиеся с 1990-х гг. и названные неологизмом ecovention, преследуют сразу две цели. Первая цель внешняя – создание зеленого городского пространства средствами самих горожан. Вторая основывается на практиках ресайклинг-арт и требует интерпретации: преодоление потребительской психологии через творческое использование вторичных, выброшенных вещей. Например, практика отдельного сбора мусора в нашей стране не может преодолеть, прежде всего, именно психологический барьер. И именно этот барьер пытаются разрушить представители ресайклинг-арта с помощью средств современного искусства. В отдельных проектах «мусор», перемещенный в природный контекст приобретает новые смыслы – ставит вопрос о возможности сосуществования современного человека со всем его «хламом» и побеждающего «хлам» природного начала.

В арт-практиках, использующих ресурсы современного искусства, в том числе новые форматы интерактивного взаимодействия со зрителем (акции, интервенции) оригинальный и яркий художественный образ получает большую силу. Художественное творчество переплетается здесь с современными социальными практиками, учитывает актуальность проекта для конкретной городской среды. Часто подобные акции предполагают вовлечение максимального числа участников, групповую работу, иногда тиражность, как возможность повторения проекта в разных городах. Реализация попыток трансформации депрессивной урбанистической реальности «снизу» в итоге призвана ответить на более глубокий вопрос: могут современные городские сообщества с помощью креативных ресурсов изменять городскую среду?

Подводя итог, выделим основные идеи, которые предлагают современные направления архитектурной урбанистики и экологического искусства для разрешения проблемы взаимодействия человека и природы в современном городе. Сегодня произошло переосмысление многих традиционных понятий: природа, парк, город, дом, ландшафт, инфраструктура. Природа в городе понимается не просто как зеленая декорация или охраняемая территория, а как активная функциональная основа, создающая социальное пространство, призванное противостоять современным тенденциям анонимности,

сверхскоростей, отчужденности города от его жителей. Таким образом, оппозиция «природное» - «городское» преодолевается через акцент на антропологическое измерение, «природа» перестала быть объектом поэтизации или охраны (концепция «Экологии без природы» Тимоти Мортон [5]). Природное сегодня не воспринимается как нечто отдельное от человека, живое и неживое неразделимы в современной цивилизации [1]. Общая основа направлений – поиск возможности реконструкции или создания в современной урбанистической среде единой экосистемы, в которой возобновляемые энергия и ресурсы, архитектурные-технические решения и элементы природных зон, а также интерактивные методы проектной деятельности современного искусства – это лишь средства для главного – создания условий позитивной социальной коммуникации.

Библиографический список:

1. Демос Т.Дж. Искусство после природы [Электронный ресурс] // Художественный журнал. 2015. № 96. Режим доступа: <http://moscowartmagazine.com/issue/18/article/253> (дата обращения: 10.09.2018).
2. Корнер Дж. Город – это ландшафт. Интервью. Владимир Белоголовский, 11.04.2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://archi.ru/press/world/23785/park-hai-lain> (дата обращения: 15.10.2018).
3. Корчагина О.А. Города-сады Дальнего Востока в начале XX века: Дальний, Порт-Артур, Харбин [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 6. СПб.: НП-Принт, 2016. Режим доступа: <http://actual-art.org/files/sb/06/Korchagina.pdf> (дата обращения: 25.10.2018).
4. Львов А.А. Идея заботы о себе в современном энвайроментализме [Электронный ресурс] // STUDIA CULTURAE. 2013. № 15. С. 110-115. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19081311> (дата обращения: 05.11.2018).
5. Мортон Т. Экология без природы [Электронный ресурс] // Художественный журнал. 2015. № 96. Режим доступа: <http://moscowartmagazine.com/issue/18/article/252> (дата обращения: 10.05.2018).
6. Садковская О.Е. Технологии эко-урбанизма как ответ на последствия изменения климата [Электронный ресурс] // Урбанистика. 2018. № 2. Режим доступа: http://enotabene.ru/urb/article_25641.html (дата обращения: 20.11.2018).
7. Сайт Greenpublicart [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://greenpublicart.com/> (дата обращения: 23.11.2018).
8. Турбина Е. Город стратегии и тактики [Электронный ресурс] // Художественный журнал. 2013. № 89. Режим доступа: <http://moscowartmagazine.com/issue/8/article/86> (дата обращения: 20.11.2018).
9. Bower S. A Profusion of Terms [Электронный ресурс] // Greenmuseum.org. Режим доступа: http://greenmuseum.org/generic_content.php?ct_id=306 (дата обращения: 10.05.2018).
10. Corner James. Terra Fluxus //The Landscape Urbanism Reader/ Charles Waldheim, editor. 1st ed. New York: Princeton Architectural Press, 2006. Pp. 021-034.

Dmitrieva S.O. **Man and nature in the urban environment**

The article contains an analysis of the history and implementation of current ideas and projects of architectural urbanism and environmental art. The main goal of such projects is to solve the problems of the modern urban space, including the coexistence of human and nature in the urban environment.

Keywords: landscape urbanism, ecological urbanism, environmental art, land art, ecological art, green public art, recycling art, ecovention

УДК 7.013, 72.01, 726

С.Ю. Пашаева

Архитектурная доминанта как детерминанта развития

Аннотация:

В статье представлена попытка проследить взаимодействие архитектурных принципов и доминант, таких как пространство и масса, золотое сечение и квадратура круга, Север и Юг, Восток и Запад, горизонталь и вертикаль, согласно архетипическим идеям восприятия пространства как детерминант развития.

Ключевые слова: архитектурная доминанта, культовые сооружения, золотое сечение, квадратура круга

Об авторе: Пашаева Светлана Юрьевна, Измирский Технологический Институт, преподаватель гуманитарных курсов Отделения Общей Культуры; эл. почта: svetlanapashaev@iyte.edu.tr

Фундаментальный принцип мироздания

Разделение жизни на формы предполагает пространственное измерение возникновения материальных структур. Они могут рассматриваться как архитектурные создания, развивающиеся в процессе эволюции видов. Эволюция и архитектурная форма, в которой она протекает, неразрывно связаны между собой. Улитка, строящая свой дом по принципу золотого сечения; растение, распускающееся как самоподобие фрактала; планеты, формирующиеся в сферические формы и движущиеся по эллиптическим орбитам под действием гравитации – все это содержит в себе архитектурный характер организации движения мироздания. То есть, архитектурные формы являются детерминантами динамики, развития и эволюции мироздания, в свою очередь подчиняясь развитию и эволюции.

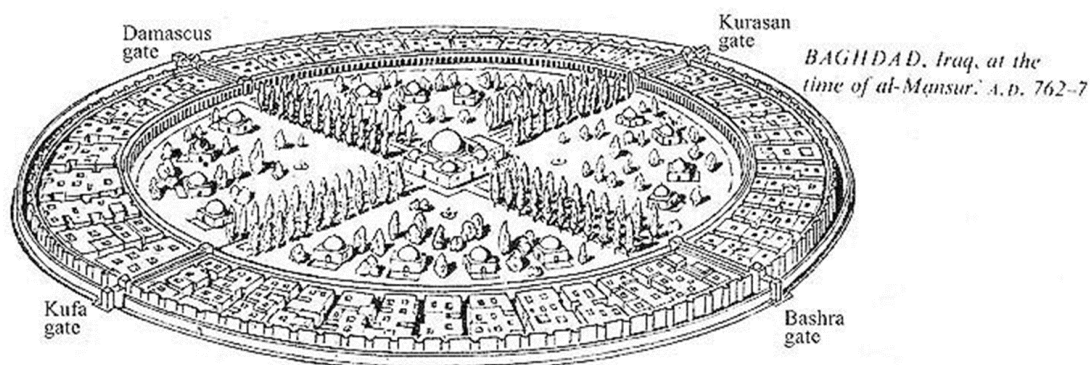
В терминах гегелевской философии [1] и теоретических построений Габричевского² [2] речь идет о взаимодействии пространства и массы, что сродни

² Пространство и масса как первотипы архитектуры. Теория архитектуры Габричевского, где он разрабатывает концепцию взаимодействия пространства и массы. Его построения опираются на гегелевские первотипы, хотя Габричевский относится к ним неоднозначно.

взаимодействию первичного духа Пуруши и первичной материи Пракрити³[3]. Вся история архитектуры является взаимодействием этих двух начал, организации массы и пространства, определяемых и определяющих экономические, культовые доминанты развития обществ.

Горизонтальная доминанта как квадратура круга

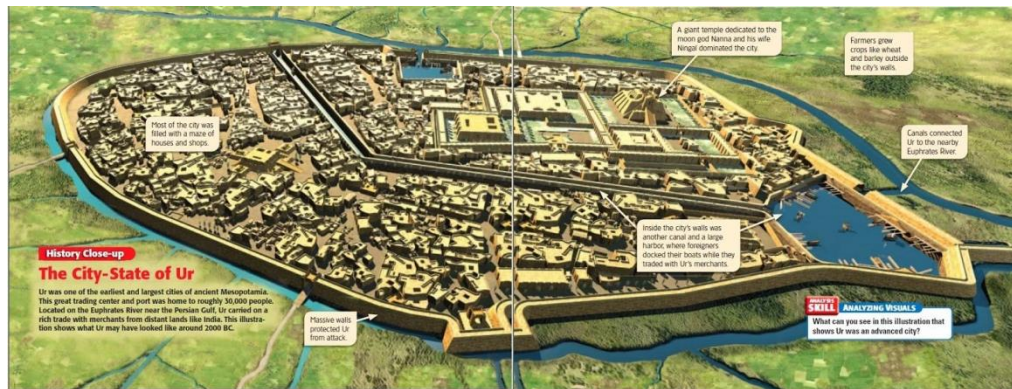
а). Горизонтальная линия, разделяющая материю на 4 сегмента – это, конечно, четыре стороны Света, где взаимодействуют две пересекающие друг друга детерминанты: север-юг и восток-запад. В разных культурах, мифологических и религиозных представлениях эти четыре архетипические доминанты интерпретировались как представления о жизни и смерти. Оппозиция Север и Юг – как абсолютная оппозиция холода и тепла, мрака и света, смерти и жизни. Оппозиция Восток и Запад, имеющая циклический характер, ассоциировалась с рождением, развитием, угасанием и закатом. Эти оппозиции явились одними из первых доминант в Древнем Мире в планировке города.

Перед нами не самый древний Багдад но, пожалуй, вполне наглядный пример сказанного выше.

б). Реконструкция более ранних примеров, таких как город Ур Месопотамии, 2 тысячелетия до н.э. представляет город, стоящий на слиянии двух рек.

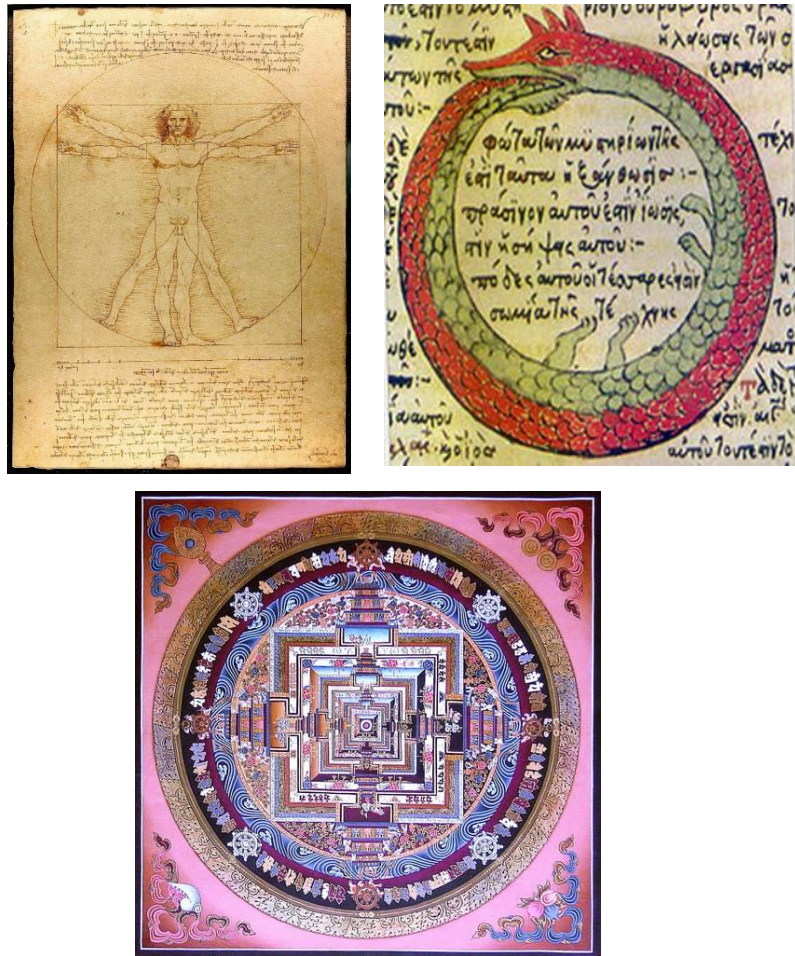
³ В древнеиндийской мифологии – первочеловек, из которого возникли элементы космоса и вечная душа, и изначальная природа, материальная первопричина Вселенной.

Реконструкция города Ур. Месопотамия. 2 тысячелетие до н.э.

Вряд ли он мог возникнуть иначе. Здесь основная горизонталь согнута и является водной горизонталью, но многие древние и средневековые города очерчены, почти или не очень, в силу местности, кругом, стремящимся к идеальному. В самом же городе вокруг доминанты (храма, дворца, мечети и т.д.) всегда есть квадратура круга как квадратура города. На плане хорошо видно, как вокруг зиккурата оформлена территория, близкая к квадрату.

в). Все вращается вокруг двух фундаментальных форм: круга и квадрата, которые имеют глубоко символический характер. Достаточно вспомнить Уробуса (змея, заглатывающего свой хвост), который является символом Бога: круг, не имеющий начала и конца – символ бесконечности. Квадрат, в свою очередь, – символ мирского существования: вспомним Витрувианского человека Леонардо, где представлены не только соотношения золотого сечения (идеальных пропорций), но и человек, вписанный в круг, оказывается распятым на квадрате. Из взаимодействия кругов и квадратов состоит индийская мандала, в которой есть место человеку, Вселенной и Богу. Как мы знаем, именно мандала часто служила планом для постройки индийских храмов.

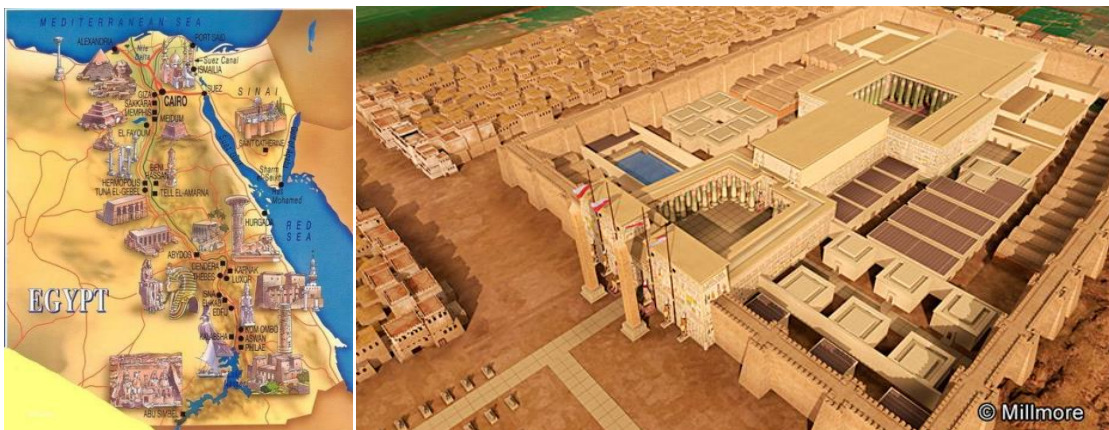

Леонардо. Витрувианский человек. Уробус. Тибетская Мандала

Доминанта Восток – Запад

Туристическая карта Египта обращает наше внимание на четкое разделение: гробницы самых разнообразных типов находятся на Западном берегу Нила, а жилые постройки и храмы, посвященные Богам, – на правом.

Объяснение лежит на поверхности: солнце встает на Востоке и садится на Западе. Такую сквозную линию как Нил, проходящий сквозь почти всю Африку, мы увидим позже, но уже в самой архитектуре. В Египте это Луксорский храм, где сквозная доминанта – длинная горизонтальная линия – начинается с аллеи сфинксов и совершенно симметрично движется сквозь открытые дворики и гипостили храма. Это длинная прямая горизонталь сравнима с дорогой жизни. Она всегда ведет к храму, к Богу, поэтому вертикаль должна быть выстроена неминуемо.

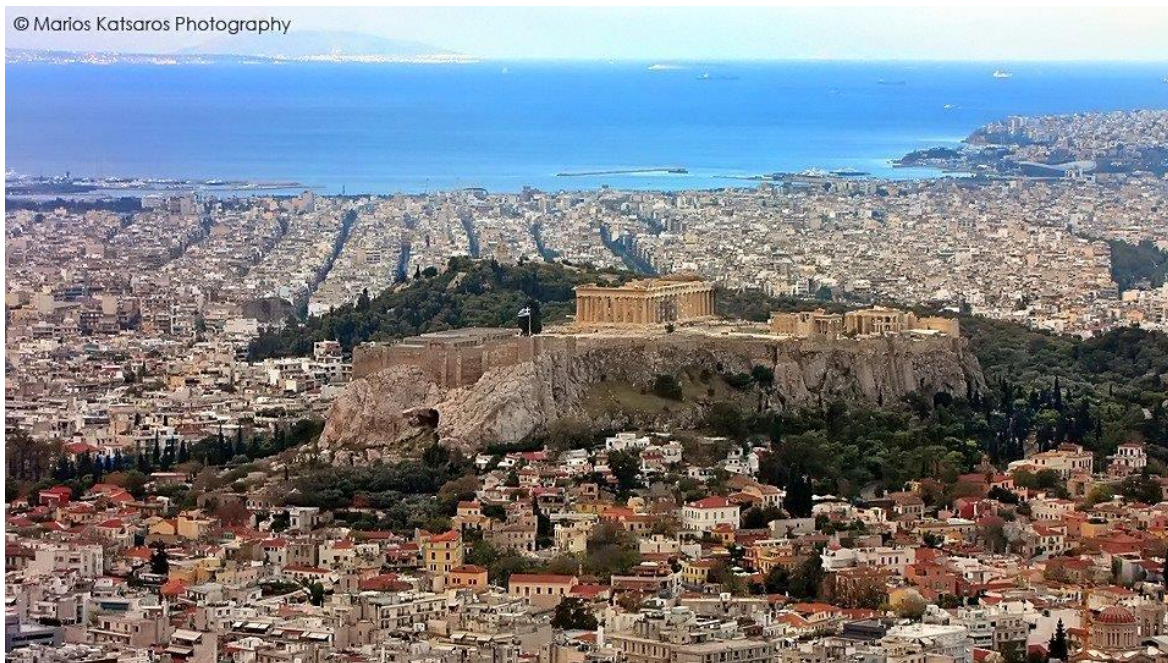

Туристическая карта Египта. Реконструкция Египетского храма в Луксоре. II тысячелетие до н.э.

Доминанта «Вертикаль»

Без вертикальных доминант не обходится ни одна цивилизация. В Месопотамии это Зиккураты, которые тоже имели свою охранительную мандалу, близкую к квадрату или прямоугольнику, а в Египте – всем известные пирамиды – лестницы фараонов на небо.

Доминанта Древних Афин – это Акрополь, верхний город Богов, выстроенный на возвышающемся скалистом плато.

Афины. Вид на Акрополь.

Основная горизонтальная доминанта здесь Парфенон, имеющий форму прямоугольника, обрамленного со всех сторон колоннадой, подчиняющей нас своему ритму, заставляя нас всматриваться в различные пейзажи, образующиеся в ее интерколумниях.

Горизонтальная доминанта – это огромная, через весь город движущаяся процессия людей к Акрополю, поднимающихся по ступенькам к Пропилеям. Уже потом она становится абсолютно прямой горизонталью, ведущей к Парфенону. Устремленная к небу вертикаль берет свое начало от менгиров и, позже, обелисков как противопоставление вертикали, всей горизонтали земли, ее естественным силам гравитации. Постепенно вертикальное направление стало доминантой в направлении к небесному и божественному: зиккураты, пирамиды, храмы и их колокольни, мечети и их минареты, придающие смысл жизни людей.

Круг как зримый образ Бога

Трудно сказать, насколько Римский Пантеон был городской доминантой во втором веке, но то, что, находясь внутри собора, человек ощущал себя сопричастным всем Богам сразу – бесспорно. Огромный купол, как свод небесный, полусфера, парящая над прихожанами... Сооружения такого масштаба стали возможны лишь с изобретением нового материала – бетона. Высота, равная диаметру купола и девятиметровое окно в центре создавали необыкновенное чувство сопричастности с космосом. Купол впервые дал это удивительное ощущение парения с выходом в безграничное пространство.

Рим. Пантеон. 2 в. н.э., 126 год. Художник Д. Панини, 18 век. Святая София, 6 век

Византийская доминанта – это, конечно, Собор Премудрости Божьей - Святой Софии 6 века. Продолжение Пантеоновой интерпретации, но с еще большим размахом, так как к куполу с двух сторон примыкают два полукупола, к каждому из которых примыкают по три небольших полукупола. Первый величественный христианский храм уже не имел в центре открытого окна, да он ему попросту уже был и не нужен, т.к. пространство Бога парило и расширялось полукругиями полукуполов. Длина Святой Софии почти равна ее ширине и здесь нет типичной для европейских храмов горизонтали, ведущей к вертикали: человек, входя в храм, почти сразу предстал перед Богом. То же можно сказать о Русских церквах и соборах, более тяготеющих к центрической конструкции.

Доминанта Ватикана

Еще до того, как войти на территорию этого государства, люди идут вдоль улицы Примирения (Виа делла Кончилиационе). Этот широкий бульвар, ведущий от набережной Тибра к Ватикану, кажется, заканчивается собором Св. Петра. Но в конце улицы неожиданно возникает Барроминиевская колоннада, окружая, принимая идущих в свои объятия и продолжая свою горизонтальную доминанту в соборе, находя выход в вертикали купола, созданного Микеланджело.

Рим. Ватикан. Вид из собора Св.Петра на площадь и улицу. Рим.Ватикан.Собор Св.Петра, 16-17 век.

Доминанта Готики

Готический собор своей фрактальной самоподобной структурой уже выражал присутствие Бога в каждой частичке бытия. Здесь все доминанты перемешаны таким образом, что божественное разлито повсюду [4].

Взаимодействие доминант

Во всех приведенных выше примерах видно, что горизонтальная доминанта всегда вела к вертикальной. Сквозь всю историю до 20 века и наших дней. И в этом смысле неосуществленный план реконструкции Багдада, выполненный выдающимся архитектором 20 века Фрэнком Лойядом Райтом для последнего короля Ирака Файзала 2, отражает идею взаимодействия этих детерминант, в которое включены и светские объекты (оперный театр, увенчанный статуей Алладина и университет, соединенные одним мостом), и религиозные (второй мост указывал на направление в Мекку).

В наше время, пожалуй, одним из наиболее ярких примеров этого взаимодействия является постройка грандиозной мечети шейха Зайда в Абу-Даби. Доминанта, ведущая к вертикали, – это дорога, ведущая через атриум, и далее – к Божественной вертикали, которая благодаря прозорливому архитектору отражается в окружающей мечети воде и в отблесках отполированного храма, что отсылает ее к готической архитектуре.

Взаимодействие горизонталей и вертикалей в городах

То, что люди планировали свои города еще в древности, общеизвестно. Планировки города, как правило, прямолинейные или радиальные. Но при любой планировке улиц всегда сильным акцентом была вертикаль – церковь, мечеть и т. п. [5].

Постепенно архитектурные доминанты становятся символами либо политической власти (как неосуществленный в Москве проект Дворца Советов – гигантского административного здания), либо технологического развития (как Шуховская или Эйфелева башня), либо экономического могущества (небоскребы Америки и самая высокая в мире башня Бурдж Халифа). Эти современные детерминанты, преодолевая земную гравитацию и объединяя пространство и время, становятся символами нового прорыва и устремленности в будущее.

Библиографический список:

1. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: В 4-х т.: Т. 3. М.: Искусство, 1968-1973. 623 с.
2. Габричевский А.Г. Морфология Искусства. М: Аграф, 2002. 431 с.
3. Энциклопедия «Мифы Народов Мира»: В 2-х т.: Т. 2. М.: СЭ, 1988. 351 с.
4. Панофский Э. Архитектура и Иконография. М.: ДИ ДИК, 1994.
5. Fainstein S.S. Urban planning [Electronic resource] // Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/urban-planning> (Access: 03.03.2019).

Пашаева С.Ю. **Architectural dominant as a determinant of development**

This is a brief attempt to trace the interaction of architectural principles and dominants: as a space and mass, the Golden section and quadrature of the circle, North and South, East and West, horizontal and vertical, according to the archetypal ideas of space perception as the determinant of development.

Keywords: architectural dominant, religious buildings, Golden section, quadrature of the circle

УДК 72.01

Н.Г. Багдасарьян

Архитектор в социокультурном пространстве города

Аннотация:

Опираясь на тезис Г. Зиммеля о необходимости поиска ответа на вопрос о жизни больших городов, который лежит в плоскости соотношения между индивидуальным и наиндивидуальным содержанием жизни, автор ведет речь о требованиях к современной архитектуре. Город рассматривается через призму социальности и соответствующих требований к профессиональным характеристикам архитектора. Подчеркивается значимость междисциплинарного подхода к образовательному процессу в высшей архитектурной школе, роль социально-философского и культурологического знания.

Ключевые слова: Зиммель, социальное пространство города, компетентность архитектора, ценности и установки

Об авторе: Багдасарьян Надежда Гегамовна, доктор философских наук, профессор, МГТУ им. Н.Э. Баумана, профессор кафедры «Социология и культурология» факультета социальных и гуманитарных наук, Государственный университет «Дубна», заведующий кафедрой социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: ngbagda@mail.ru

*По прогнозам ООН,
через 150 лет 30% площади земель мира
будут городскими ландшафтами.*

Георг Зиммель в работе «Большие города и духовная жизнь», написанной в 1902 г., отмечал: «Всюду, где идет речь о внутреннем содержании результатов специфической современной жизни, где, так сказать, тело культуры спрашивает о своей душе, — каковой вопрос нас сейчас занимает по отношению к большим городам, — всюду ответ нужно искать в том уравнении, которое составляется между индивидуальным и наиндивидуальным содержанием жизни, — в приспособляемости личности, благодаря которой она уживается с внешними силами» [3, с. 1]. Как это почти всегда бывает с

мыслителями такого уровня, как Зиммель, эта формула обрела универсальный характер, позволяя в каждую эпоху соотносить с ней наличное бытие. Разумеется, и сама «типовая» личность, и те внешние силы, к которым она должна приспособиться, кардинально преобразились за минувшие с момента написания работы сто с лишним лет. Однако уравнение это продолжает «работать», став методологической основой выявления законов жизни человека в большом городе.

Современный архитектор – при самых невообразимых его творческих изысках, при самом фантастическом полете его фантазии – не может не учитывать в качестве исходной, фундаментальной позиции оба среза того пространства, в котором он творит. Один срез обусловлен индивидуальным, антропологическим измерением большого города, другой – измерением социальным. Сложность профессиональной саморепрезентации архитектора – в необходимости соотнесения этих пластов, которые, порой, находятся не столько в системе взаимодополнительности, сколько – и в большей степени – в оппозиции друг к другу.

Город – поле столкновения и конфликта, борьбы и сотрудничества, присвоения и вытеснения. Город – это отпечаток социального пространства в пространстве физическом. В нем параллельно идут процессы разрыва традиционных социальных связей (о которых писали классики европейской социологии города) и – «сборка» новых социальных общностей. Такие общности традиционно формировались в зависимости от географических факторов, производственной и этнической топологии. Однако техногенная цивилизация меняет сам процесс генезиса и трансформации современных городов. В разрастающихся территориально городах становится все труднее сочетать интересы и потребности личности в обустройстве индивидуального жизненного пространства, в организации жизни семьи, состоящей из двух, или даже трех поколений, и выстраивании профессиональной карьеры, в выборе соответствующего статусу человека места работы и в реализации спортивных, художественных и иных увлечений.

Пространство города все в меньшей мере становится территорией безопасности. В частности, Москва, по результатам ежегодного опроса компании Мерсер, называлась в числе наиболее опасных и смертоносных мировых метрополисов с точки зрения своих экологических стандартов. В одном из рейтингов Москва заняла 14-е место в списке самых грязных городов мира. По уровню привлекательности среди иностранцев город занял 48-е место из 60 (Global Market Insight, 2011). А по качеству жизни у Москвы – 166-е место среди других городов мира [Цит. по 7, с. 40].

Как в любой социотехнической системе, по мере ее усложнения, возрастают риски – и техногенных, и социальных катастроф. В данном случае мы используем понятие катастрофы вовсе не метафорически. Напомним, что термин «теория катастроф», введенный математиками Р. Томом и К. Зиманом на рубеже 1960-х-1970-х гг., оказался как нельзя кстати для понимания не только бифуркации дифференциальных уравнений в динамических системах, но и для анализа и прогнозирования любых иных динамических систем – как природного свойства (радуга, иные типы каустиков, в том числе связанных с крупномасштабной структурой вселенной), так и социальных явлений (бунты в тюрьмах, протестные движения и пр.) [1].

«Теория катастроф» предоставила социальным исследователям достоверный и убедительный инструмент для моделирования разнообразных процессов, происходящих в обществе – и на уровне микро-, и на уровне макроизменений. Используя этот инструментарий, мысля город как сложную социотехническую систему, выделим две группы параметров, определяющих ее состояние: параметры внешние и внутренние. Предположим, что внешние параметры определяются географической локализацией города, предопределяющей климат, ландшафт, наличие природных ресурсов, хозяйственную деятельность; его местом в системе экономических связей государства; нормативными параметрами управленческой структуры и пр. Внутренние параметры обусловлены культурно-исторической составляющей, символическим пространством, демографическими характеристиками, сложившейся социально-экономической инфраструктурой, конкретным преломлением нормативно-правовых систем в деятельности управленческой городской элиты и пр.

Несложно принять, что между внешними и внутренними параметрами имеется зависимость, однако, в соответствии с теорией катастроф, «значения внутренних параметров не определяются однозначно значениями внешних» [1, с. 222]. Для выявления в математической модели критических точек, возникающих в процессах такого взаимодействия, вводится понятие теории особенностей, которая доставляет информацию о подобных критических точках. Именно эта информация используется для исследования «катастроф», то есть перескоков системы из одного состояния в другое при изменении параметров.

В качестве примера приведем процесс формирования сетевых структур, обусловленный глобальной сетью Интернет. «В новом, информационном способе развития источник производительности заключается в технологии генерирования знаний,

обработки информации и символической коммуникации», - пишет М. Кастельс [4, с. 38]. Но ведь дело не только в «источнике производительности».

Социологи фиксируют процессы децентрализации городов, в ходе которых коренные жители мегаполисов переселяются в периферийные, более благополучные, экологически чистые районы пригорода, предпочитая «городскую жизнь вне города». По Г. Зиммелю, пытаясь именно таким образом «уживаться с внешними силами». Информационные технологии позволяют в ряде случаев работать в виртуальном пространстве, удаленно, не теряя часы, дни и месяцы своей жизни на дороге. Подобный тренд вносит соответствующие требования к типу жилищ, которые насыщаются достижениями современной информационной техносферы, отвечая также и на экологические запросы жизнедеятельности.

Все эти нововведения в городскую жизнь предъявляют особые требования к подготовке архитекторов в рамках образовательных систем. Соответственно, современного архитектора должны занимать вопросы: что значит мыслить город не только как социокультурный, но и как технический объект? как изобретение Интернета меняет городское пространство и коммуникацию – деловую и повседневную – между людьми? какие социотехнические «точки сборки» формируют ядро устойчивых отношений города? Как влияют эти процессы на пространственные предпочтения жителей города? И многие другие.

Успешная деятельность архитектора связана сегодня с междисциплинарными знаниями, включающими большой круг компонентов, фундирующих его компетентность. Понятие компетентности трактуется весьма неоднозначно. Так, британский психолог Дж. Равен под компетентностью понимает специфические способности, обязательные для действий в определенной предметной области, включающие А) узкоспециальные знания; Б) особого рода предметные навыки, способы мышления; В) осознание ответственности за свои действия на основе ценностей и установок [6]. Мы не можем полностью согласиться с этим перечнем, хотя пункт В) дает определенную свободу интерпретаций. Уж слишком похожа формулировка компетентности в применении к деятельности архитектора на максимум Ле Корбюзье, архитектурного кумира периода функционализма и рационализма 1920-х-1930-х гг.: в соответствии с Афинской хартией жилище должно иметь функции: «спать, мыться, питаться и развлекаться» [5, с. 61].

В арсенале компетенций современного архитектора должны присутствовать те, что формируют целостный, комплексный взгляд на пространство как таковое, и городское, в

частности. Постигание города как объекта конструирования, как сложной социотехнической системы, требует знания междисциплинарных методологических подходов и владения их инструментарием. Адекватная, непротиворечивая, минимизирующая риски, неизбежно возникающие на пересечении «жизненных миров» в техногенной среде, архитектурно-проектная деятельность требует, помимо узкопрофессиональных знаний, обращение к таким пластам функционирования города, как философия и социология архитектуры, культурно-смысловая составляющая жизни городов, семиотика пространства, метафизические и архетипические основания городской среды, ее ресурсы и социальная динамика, обусловленная миграцией. А также – антропологическое понимание города как специфического пространства существования человека, которое конструирует особый смысловой мир, стиль и образ жизни, формирует возможности и векторы социализации и инкультурации.

Город – продукт длительного исторического развития, и это «превращает его в сплав всего комплекса древних и современных смыслов, хранящих в себе отпечаток мировоззренческих установок различных эпох» [8, с. 27]. Например, современная Москва так и не преодолела за три десятка постсоветских лет образа коммунистической утопии – «сталинизм въелся в тело Москвы как особая форма мышления и политической организации пространства. Несмотря на череду переименований и перелицовок, сам визуальный облик города остается в значительной степени коммунистическим» [7, с. 198]. «Церетелизация» города лишь закрепила имперские символы столицы. В этом плане актуализируется задача поиска нового архитектурного языка, нового городского кода, в котором была бы заключена современность, содержащая в себе архетипы, идеальные конструкты, лежащие в основе городской культуры и формирующие идентичность горожан, но и образ будущего, воплощающий устремления нации.

О том, что городское пространство – зона особого напряжения, свидетельствует бесконечный ряд дискуссий, ведущихся вокруг разного рода архитектурно-планировочных и нормативно-правовых решений, которые затрагивают жизненные ценности и интересы его жителей. И жители реагируют. В первую очередь, на те решения, которые вторгаются в культурно-историческое «тело» города – прокладка трасс, вырубка парков под застройку со снятием с них статуса особо охраняемых территорий, снос объектов культурного наследия, разрушающих традиционную городскую среду, строительство новых зданий и кварталов в исторических центрах городов. Так, жители московского Лефортова вышли на митинг в связи со строительством Третьего

транспортного кольца, и вместо магистрали, разрезающей и плотную застройку, и часть старинного парка, был построен дорогостоящий Лефортовский тоннель. Или дискуссия вокруг строительства «Охта-центра» в Санкт-Петербурге, завершившаяся его отменой. Но как много утрачено!

Разумеется, причины, вызывающие эти проекты и дискуссии, обретения и утраты – следствия той же многослойности факторов, что обуславливают саму жизнь городов. И здесь уже речь идет об определении границ неизбежного вторжения в живое пространство города, о балансе между традицией и новацией, не разрушающем столь ценное для горожанина ощущение комфортной идентичности совместного с городом бытия?

Мы далеки от мысли о том, что весь груз ответственности за развитие городов лежит на архитекторе. Но он, как проектировщик, конструктор, дизайнер находится в точке пересечения интересов горожан, управленцев, бизнеса. И в точке пересечения культурно-исторических, экономических, производственных, символических и иных векторов городской динамики. Именно он способен, обладая особым типом мышления, предложить решения преобразования уже освоенного урбанистического пространства, вызывающие взаимное доверие разных сторон. Такой – особый тип мышления, проявленный в новых компетенциях, требует особых подходов в подготовке специалистов – и архитекторов, проектировщиков, и управленцев.

В своих работах мы неоднократно подчеркивали, что ценности и установки личности не выводятся из узкопрофессиональной подготовки. Они формируются (если иметь в виду не жизненную среду в целом, а фокусироваться на системе образования) как результат приобщения к философии жизни, глубинного понимания культурных корней осваиваемой среды, способности аккумулировать социально-научное и гуманитарное знание в профессиональной деятельности, видеть (и интегрировать) индивидуальное и социальное в архитектурном проекте. При таком подходе архитектор может быть способен «анализировать тенденции в теории архитектуры ... через призмы множества несводимых друг к другу, часто диаметрально противоположных социологических теорий» [2, с. 114]. И на этой основе давать практический ответ на вызовы современности.

Справедливости ради отметим, что имеет место и обратный процесс – «как скрытая, так и явная интеграция архитектуры в социологическую мысль» [9, р. 40]. Что лишь показывает настоятельную необходимость междисциплинарных методологических подходов к анализу и моделированию сложных систем любого рода.

Библиографический список:

1. Арнольд В.И. Теория катастроф [Электронный ресурс] // Итоги науки и техники. Серия Современные проблемы математики. Фундаментальные направления. 1986. Т. 5. С. 219-277.
Режим доступа: <http://www.mathnet.ru/links/5272caffffa799fbef55c884d051e0d6/intf41.pdf> (дата обращения: 24.11.2019).
2. Делитц Х. Архитектура в социальном измерении // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 113-121.
3. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь [Электронный ресурс] // Логос. 2002. № 3 (34).
Режим доступа: https://vk.com/doc12814833_285964829?hash=ce9984447ca450fb2f&dl=efc536274a49b0826f22 (дата обращения: 24.11.2019).
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
5. Ле Корбюзье Ш. Три формы расселения. Афинская Хартия / Пер. с фр.; под ред. К.Т. Топуридзе. М.: Прогресс, 1977.
6. Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. М.: Когито-Центр, 2002.
7. Россман В. В поисках Четвертого Рима: Российские дебаты о переносе столицы. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. 288 с.
8. Холодная А.А. Культурно-семантическое пространство современного российского города: дисс. ... кандидата культурологии: 24.00.01. М. 2018. 257 с.
9. Delits H. Architectural Modes of Collective Existence: Architectural Sociology as an Comparative Social Theory // Cultural Sociology. 2018. Vol. 12 (1). Pp. 37-57.

Bagdasaryan N.G. Architect in the socio-cultural space of the city

Based on the thesis of G. Simmel on the need to find an answer to the question about the life of big cities, which lies in the plane of the relationship between the individual and supra-individual content of life, the author discusses the requirements for modern architecture. The city is viewed through the prism of sociality and relevant requirements for the professional characteristics of the architect. The importance of an interdisciplinary approach to the educational process in higher architectural school, the role of socio-philosophical and cultural knowledge is emphasized.

Keywords: *Zimmel, social space of the city, competence of the architect, values and attitudes*

УДК 72.01

С.П. Хохлова

**Неопределимость архитектуры в теории
Бенуа Гетца, Филиппа Мадека и Крис Юнес**

Аннотация:

В статье анализируется концепция французских теоретиков архитектуры Бенуа Гетца, Филиппа Мадека и Крис Юнес, в которой осуществлена попытка освободить представление об архитектуре от излишней рационализации, технизации и однозначности через ее «де-дефиницию» и признание в качестве ее сущностной характеристики пограничности (лимитрофности).

Ключевые слова: архитектура, антропология архитектуры, архитектурный проект, архитектурное образование, архитектурная онтология

Об авторе: Хохлова Светлана Павловна, кандидат философских наук, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: hohlova_sv@mail.ru

В настоящее время мы наблюдаем настоящий бум литературы, посвященной архитектуре и градостроительству, в том числе проблеме их определения, понимания и описания. В России эта тенденция появилась несколько позднее и развивается медленнее, но и здесь выходит множество книг архитектурной тематики. При этом, с одной стороны, в них преобладает ставший традиционным формально-стилистический анализ, а с другой стороны, – представление об архитектуре начинает размываться в рамках социологических и урбанистических теорий. Менее всего представлен в отечественных исследованиях феноменологический подход. Тем интереснее рассматриваемая книга, находящаяся в русле европейской феноменологической традиции. Ее авторы – философ Бенуа Гетц, профессор университета Поля Верлена в Меце, Филипп Мадек, архитектор и урбанист, один из создателей концепции экологической ответственности, работавший в различных французских архитектурных школах, и философ Крис Юнес, преподавательница высшей национальной архитектурной школы Париж Ла Виллет, в издательстве которой в 2009 году вышла их совместная книга. Школа Париж Ла Виллет

основана в 1968 году и в качестве одного из принципов обучения провозгласила противостояние академизму⁴. Пожалуй, именно во Франции в Новое время академические традиции в искусстве и науке были особенно сильными и оказали влияние на другие страны, в том числе на российскую культуру. Во Франции они же инициировали активное антиакадемическое движение. Современная французская мысль особенно восприимчива к феноменологии искусств и порождает тексты, сближающиеся по своему стилю с эссеистикой, что не умаляет их теоретической значимости и эвристической ценности. Рассматриваемая книга французских авторов, очевидно, вызвана не только теоретической необходимостью, философскими онтологическими и эпистемологическими поисками, но и кризисом новоевропейской образовательной модели и практикой преподавания в архитектурных вузах. Затрагивает она и научную этику. Само слово «дисциплина», означающее и преподаваемый предмет, и подчинение существующим правилам, оказывается точкой схождения различных проблем.

Книга представляет интерес не только собственной концепцией, но и обширным исследовательским полем, в которое она вовлекает. Ее текст имеет характер не фундаментального труда, а живого рассуждения, хотя по нему рассыпано множество ссылок на авторитетных западных интеллектуалов – и ставших классиками и широко у нас известных Мартина Хайдеггера, Роллан Барта, Мишеля Серра, Петера Слотердайка, и почти не переводившихся на русский язык Анри Мальдине или Владимира Янкилевича. Вторую часть книги составляет принципиально несистематизированная подборка определений архитектуры.

При том, что определение архитектуры, в силу ее комплексности, среди других сфер культуры особенно затруднено, в рамках академической традиции, а также среди обывателей, она понимается чаще всего однозначно. Авторы книги, в противовес, не выносят окончательного решения, а лишь ставят проблему.

Представление о неопределимости, как и неопределенности явления не ново. Его истоки можно увидеть в апофатической теологии, отрицающей возможность позитивных определений Бога. Начиная с Новейшего времени трансцендентное в качестве поля приложения мысли уступает место повседневному, которое не столько неопределимо, сколько неопределенно. Так, в середине XX века Абрам Моль писал в связи с культурой: «...Мы будем придерживаться «незамкнутого» определения, которое (в отличие от

⁴ [Charte de l'école] Режим доступа: <http://www.paris-lavillette.archi.fr/uploads/file/ecole%20presentation/charte%20ecole.pdf>

«замкнутых», знакомых нам, например, из геометрии) всегда остается открытым для поправок и дополнений. Понятие о «расплывчатых явлениях», то есть таких явлениях, которые можно очертить, но нельзя строго определить, так как они «растворяются» в собственных определениях, составляет, в сущности, одну из весьма важных идей, которыми гуманитарные науки обогащают науки точные» [5].

Среди составляющих архитектуры авторы называют как взаимодополняющие, так и антиномичные понятия и феномены: искусство и наука, жилище и структура, пустота и наполненность, материя и пустынность (авторы используют здесь слово “*essart*”, буквально означающее раскорчеванный участок земли).

В российской традиции проблема понимания архитектуры специально не ставилась. Неявно сформулированный подход основан на одном из наиболее авторитетных учебных пособий отечественного искусствоведения – «Введении в историческое изучение искусства» Б.Р. Виппера, который в частности писал: «именно способность изображения и отличает художественную архитектуру как искусство, от простого строительства» [2, с. 219]. Эта кантианская в своей основе установка приобрела впоследствии отчетливо выраженный семиотический характер, с характерным для семиотики дуализмом означающего и означаемого. Вслед за Виппером выделялись также эпохи, ориентированные на архитектурную телесность или же пространственность. В обоих случаях в качестве носителя смысла (изобразительности) выступает архитектура как физическое тело, имеющее визуально более или менее ясные границы. Для рассматриваемых французских авторов такой подход не актуален. В подборе определений архитектуры, встречаем, например, высказывание Ролана Барта, который призывает отказаться от сведения представления об архитектуре к «отесыванию» материала [8, с. 11]. Пространство также понимается более широко, оно не столько физическое, сколько умозрительное. Но в любом случае, «архитектура больше чем пространство, она промежуток, живая протяженность». Архитектура далека от простого расположения «между», она артикулирует это измерение подобно тому, как лук натягивает тетиву [8, с. 39].

Архитектура представляется авторами как действие и среда. Она играет, и ее, как и музыку, невозможно охарактеризовать пока не услышишь ее «игру». Архитектурная игра – это и обиход (*usage*), и обитание (*habitation*), и фланерство, и путешествие. При этом архитектурное сооружение всегда побуждает к изобретению новой игры и, таким образом к ее (архитектуры) идентификации и ре-идентификации. Более того, архитектура

заново наделяет смыслом место («дает новый смысл небу и земле»), которое в свою очередь определяет наше в нем движение и существование [Там же]. Архитектура включается в логику взаимозависимости. Как пишет современный американский архитектор Том Мейн, архитектура – это не объект, поставленный здесь и сейчас, она преобразует и реконструирует пейзаж [8, с. 39]. Согласно французским теоретикам, архитектура имеет размытые границы и хрупкие очертания. Она не просто граничит, например, с землей, она с ней единственна, неразрывно связана взаимной детерминацией.

В книге вводится множество неологизмов – в виде связок слов и частей слов (существительных, союзов, предлогов, приставок), что характерно для феноменологической традиции, стремящейся с помощью такой смазанности, смещенности относительно устойчивой структуры мира уйти от дискретности и создать феноменологическую картину мира с характерной для восприятия непрерывностью, континуальностью. Расшатывание привычных стабильных образов и понятий создает вибрацию неопределенности.

Один из разделов книги называется «Между-двумя (*entre-deux*) и третье (*le tiers*)» [8, с. 38]. По мнению авторов, благодаря архитектуре замкнутое «визави» человека и вещи разрывается и превращается из «между двух» (*entre-deux*) в «между трех» (*entre-trois*) – человека, вещи и Земли. Такой симбиоз авторы находят также в поэзии Рильке: «Не этого ли, земля, ты хочешь? Невидимой в нас воскреснуть? Не это ли было мечтой твоей давней?» (пер. В.Б. Микушевича) [6, с. 44]. При этом сама земля понимается ни как древняя стихия или Гея Гесиода, ни тем более как глобализированная планета. Исследователи соотносят ее с «легкостью» Ницше и «детерриториализацией» Делеза.

Граница превращается в переход (*passage*). Для обозначения пограничности архитектуры используется понятие лимитрофии. Оно заимствуется из книги Жака Деррида «Животное, которым я являюсь». Деррида поясняет, что важно не стирание границы, а усложнение очертаний, сгущение, подобное свертыванию молока, делинеаризация, складчатость. Архитектура разрыхляет границы, делает их пористыми, «впускает» в свои границы некоторые вещи.

Даже если, как это традиционно представляется, архитектура – это деятельность, направленная на установление границ, жизнь не перестает избегать этих границ. Архитектура, находясь с миром в отношении взаимодополнения, одновременно представляет собой границу и переход. Она несет в себе двойное движение: снятие движения в смысле предела и манифестацию-проекцию в мир. Одна сторона стены здания

удерживает, другая – адресована миру. Внутренняя сторона угла – это комната, ее внешнее лицо-фасад – это угол улицы. Стены, потолок, крыша определяют интерьер, внутреннее, и в то же время утверждают наружное. Они обращаются к предметам и стихиям, стена говорит с ветром, крыша с дождем, фундамент с землей, окна с солнцем. Все располагается в неомогенном континууме, в переходах состояний: плоское-объемное, внутреннее-внешнее, закрытое-открытое, горячее-холодное и пр.

Игра границ, переходов и трансгрессий приобретает большую роль, начиная с Георга Зиммеля и Жоржа Батая. Любая граница провоцирует бегство. Не удивительно, отмечают авторы книги, что архитектура без устали ищет выход из себя самой, чтобы лучше себя найти. Никакое искусство в этом смысле в большей степени не искушено отсутствием меры, чем архитектура, отмечает философ и писатель Люк Ришар. Архитектура более не сдерживает себя саму.

По распространенному представлению, архитектура – это определение и уточнение пространства. Уточнить значит разрезать. Архитектура делит пространство. Без деления протяженность – это «нигде», то есть и «повсюду». С тех пор как появляется архитектура, больше нет «нигде», больше нет «повсюду».

Проблема границы и дефиниции ставилась в древнегреческой философии. В «Меноне» Платона граница твердого тела – это не простой контур. Граница наделена могуществом порождения. Он позволяет твердому телу держаться в себе самом и достичь своей завершенности.

Для характеристики архитектуры используется понятие «пористость». Его впервые употребила Ася Лацис [3], оно также встречается в описании Вальтером Беньямином и Ацис Неаполя: «Архитектура – пористая, как эта скала. Здание и действие запутываются в своих дворах, аркадах и лестницах. Во всем сохраняется пограничность (*marge*), которая позволяет им становиться театром новых непредвиденных констелляций. Избегается определенность, маркировка. Ни одна ситуация не является такой какая она есть, чтобы длиться вечно, никакая форма не утверждает: так, а не иначе» [Цит. по: 8, с. 44-45. Пер. мой – С.Х.].

По замечанию Анри Мальдине, греческое слово «*poros*» означает «переход», «дорогу», «брод» – все, что дает возможность перехода, лежащего в основе ситуаций, в которых постоянно оказывается человек.

«Пористость» (*poreuses*) архитектурных сооружений делает возможным взаимодействие архитектуры, Земли и людей. Взаимная детерминация раскрывается как

судьба. Движение с непредсказуемым итогом способствует приспособлению человечества к ситуации неопределенности. Все это меняет традиционное представление об архитектуре. Расположенность к вторжению постороннего – воздуха, света, звука, живого действия и взаимодействия – выдвигается в качестве сущностного свойства архитектуры. «Плотная» (*compact*) архитектура возможна только в случае гробницы (*tombeau*) [8, с. 45].

Своей задачей авторы ставят не столько пересмотр старых (*re-définition*) или открытие новых определений архитектуры, сколько освобождение ее от определения (*dé-définition*). В качестве образца они приводят высказывание Петера Слотердайка относительно философии: современная философия нуждается сейчас не в новых определениях, которых уже и так слишком много. Опасностью для нее является усиление неосхоластики, определяющей академический дискурс и сосуществующей с другой опасностью – медиатизацией, которая заменяет рефлексию. Важнее, по мнению Слотердайка, не дефиниция философии, а де-дефиниция, де-схоластизация и де-конформизация [8, с. 45-46].

Как ориентир выдвигается «новый научный дух» (М. Серр), в котором философия перемещения вместо традиционного разделения прибегает к пересечениям (*intersections*), вторжениям (*interventions*), перехватам (*interceptions*). Заимствованная из латыни приставка «*inter-*» отсылает нас к срединности, промежуточности с ее двойственностью и неопределенностью. Вместо распределения больший интерес начинает представлять движение вдоль дорог, а зоны определенности уступают место узлам пересекающихся линий [8, с. 62].

Особое внимание уделяется в книге такой неотъемлемой составляющей архитектуры как проекту. Неоспорима его несводимость ни к пространству, ни к физическому телу, ни к графическому представлению, ни к вербальному описанию. Важна не только междисциплинарность (интердисциплинарность) проекта. Междисциплинарность включает уже определенные сферы знания. Проект же связывает еще неопределенное, «*inqualifiés*» (Там же). Кроме того, в нем неразрывно связаны мышление и действие.

Даниэль Пайо продемонстрировал, как архитектура в западной философии, начиная с Платона, была референтом системности и рационального освоения реальности (Payot D. *Le Philosophe et l'Architecte*. – P.: Aubier, 1982). Проектная деятельность ставит под сомнение созданный благодаря философам этот образ архитектуры как модели порядка, организации и когерентности [8, с. 63]. В проекте всегда есть неведомое,

интуиция и поэтическая недосказанность. Проект – это временная категория, он осуществляет связь между прошлым и будущим, участвует в открытии еще не явленного. Остается открытым вопрос, как возникает проект, какой мир он манифестирует или, наоборот, скрывает? В развитии от проекта до реализации вторгается множество разнообразных факторов, социально-экономических, научно-технических и культурных составляющих. Проект проблематизирует понимание «знания». Этимологически французское слово «знать» (*savoir*) связано с латинским «*sapere*» (иметь вкус, издавать запах). Первоначально оно понималось как знание некоторых вещей, затем – как способность заниматься искусством (*pratiquer un art*) благодаря знаниям (*connaissances*), но интегрируя мудрость (*sagesse*), интеллект (*intelligence*), и умение (*habileté*). В настоящее время оно сближается со знанием системным, рациональным и научным в ущерб опытной и практической деятельности. Архитектура же подразумевает герменевтическую интерпретацию ценностей, среды и места, и не может быть сведена ни к рациональной системе, ни к волеизъявлению [8, с. 64-65].

Согласно Мартину Хайдеггеру, отвечать за что-либо – это прежде всего означает отвечать чему-либо, то есть включаться во взаимосвязь. В «Письме о гуманизме» «этос» этимологически связывается с проживанием, местом пребывания. Французский писатель и каллиграф китайского происхождения Франсуа Чен в соответствии с восточной традицией восприятия мира считает, что эстетика должна иметь в основании этику, и необходимо вернуться к отношениям, объединяющим все существующее на Земле [8, с. 65-66]. Архитектура представлена в книге как такое синтезирующее начало, как модель экзистенциальной ситуации неопределенности и сфера приложения ответственности современного человека за будущее человечества.

Библиографический список:

1. Беньямин В. Париж, столица XIX столетия // Беньямин В. Озарения. М., 2000. С. 153-167.
2. Виппер Б.Р. Введение в историческое изучение искусства. М.: Изобразительное искусство, 1985. 580 с.
3. Зиммель Г. Руина // Зиммель Г. Избранное: В 2-х т.: Т. 2: Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 227-233.
4. Зон-Ретель А. Идеальные полочки [Электронный ресурс]. М.: Grundrisse, 2016. Режим доступа: <http://gefeter.ru/archive/19368> (дата обращения: 21.12.2018).
5. Моль А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973. 407 с.
6. Рильке Р.М. Дуинские элегии 1912–1922 [Электронный ресурс]. München;Москва: Im-Werden-Verlag, 2002. Режим доступа: https://imwerden.de/pdf/rilke_duineser_elegien.pdf (дата обращения: 21.12.2018).

7. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 192-220.
8. Goets B., Madec P., Younes C. L'indéfinition de l'architecture. Paris: Éditions de la Villette, 2009. 131 с.

Khokhlova S.P. The indefinability of architecture in the theory of Benoît Goetz, Philippe Madec et Chris Younès

The article analyzes the conception of French architecture theorists Benoit Goetz, Philippe Madec and Chris Younès, who try to free the concept of architecture from the excessive rationalization, technicalization and unambiguous through its "de-definition" and the recognition the borderiness (limitrophy) as its essential characteristic.

Keywords: architecture, architecture anthropology, architectural design, architectural education, architectural ontology

Проба пера

УДК 316

Е.А. Олещенко

Иммигранты в немецком обществе: демографические ожидания и трудности интеграции

Аннотация:

В статье рассмотрены демографические проблемы современного немецкого общества и открытая иммиграционная политика, как средство решения этих проблем. Поднимается вопрос трудности интеграции иммигрантов в немецкое общество и пути его разрешения.

Ключевые слова: иммиграция, Германия, демографический спад, Европа, интеграция, ассимиляция

Об авторе: Олещенко Елизавета Алексеевна. МГУ им. М. В. Ломоносова, студентка факультета мировой политики.

Одна из важнейших стран Европы, Германия, претерпевает демографический спад уже целое поколение. Ожидается, что популяция немцев снизится до 7,7% к 2050 году, если не учитывать последние иммиграционные волны. 28% немцев сегодня старше 60 лет, а в 2015 году Германия была на втором месте после Японии среди стран с самой старой популяцией. Правительство Германии недавно рассчитало, что популяция сократится с 82,1 млн приблизительно до 67,6 - 78,6 млн человек к 2060 году [4].

«Бэби-бумеры» (люди, родившиеся в период демографического взрыва после Второй Мировой войны) все еще экономически активны и будут оставаться таковыми какое-то время, но к 2035 году они выйдут на пенсию, и в Германии появится более 21 млн человек в возрасте от 67 лет, половина из которых достигнет возраста 80 лет к 2050 году. Если средняя продолжительность жизни окажется больше, чем ожидается, то группа этих людей будет еще больше [13].

Способствование иммиграции является единственным путем для Европейского союза, который поможет избежать нищеты среди людей пожилого возраста и поддерживать пособия и социальные выплаты на том же уровне. Другим решением могут

стать почти неосуществимые стимулы, которые смогут убедить европейцев в возрасте 20-30 лет иметь более чем одного ребенка.

Неудивительно, что в Германии уже давно пытаются решить демографическую проблему с помощью открытой политики по отношению к мигрантам, ведь с экономической точки зрения это очень выгодно. В то время как такая политика имеет смысл с финансовой точки зрения, она, тем не менее, содержит в себе как плюсы, так и минусы.

Согласно Федеральному статистическому ведомству Германии, процент иностранцев, проживающих на территории Германии, составляет около 8,7% популяции (приблизительно 7 млн человек). Количество людей с миграционной историей или тех, кто иммигрировал в Германию с 1950-х годов и их потомков, составляет 20% населения (около 16 млн человек) [7].

За последние 70 лет «лицо» иммигрантов в Германии значительно изменилось. После Второй Мировой войны немецкое правительство подписало иммиграционные договоры с некоторыми странами с целью привлечь рабочую силу. Среди них была и Турция. Сегодня люди турецкого происхождения все еще представляют самую большую диаспору с иммиграционной историей. С середины 2000-х годов в Германию прибывали граждане из стран Восточной Европы. 7 из 10 иммигрантов происходят из других стран-членов Европейского Союза. Наиболее многочисленные группы – это поляки, румыны и болгары. С началом Европейского долгового кризиса также увеличилось число мигрантов из Греции, Италии, Португалии и Испании. В дополнение, Германия имеет дело с людьми, которые пытаются покинуть страны Ближнего Востока и «Черной Африки», дабы избежать кризисов и непригодных для жизни условий. Большое количество беженцев прибывает в Германию каждый год в надежде на лучшую жизнь [12]. Согласно статистике, число иммигрантов, прибывших в Германию за период с 1991 года по 2017 год, составляет более 1,55 млн человек. Большинство приходится на Сирию, Турцию и Польшу [2].

Приток мигрантов, которые имеют более высокую фертильность, чем местные жители, влияет на возрастную структуру и темпы прироста населения Германии. Молодые иммигранты увеличивают соотношение работающих людей к пенсионерам, и, следовательно, делают пенсионную систему более устойчивой. Ожидается, что на рынках труда они будут использовать навыки и умения, необходимые на местах, где нуждаются в молодых работниках, однако спрос на дополнительные рабочие места для пожилых людей

сохранится. Поэтому, с одной стороны, более открытая и ориентированная на работу иммиграционная политика позволит Германии смягчить экономические последствия старения и сокращения численности населения [11].

Старение граждан и изменения в их источниках дохода от труда к капиталу меняют отношение людей к иммигрантам. Пожилые люди, живущие за счет инвестиционных доходов и государственных пенсионных выплат (финансируемых за счет налогов, выплачиваемых рабочим населением), все больше видят в работающих иммигрантах собственную экономическую выгоду, нежели угрозу. Однако экономические и социологические исследования выявили, что пожилые люди склонны бояться иммигрантов и этнического разнообразия больше, чем молодое поколение.

Не стоит забывать, что большая часть услуг по уборке и поддержанию чистоты, а также медицинских услуг, оказывается иммигрантами. Именно они восполняют огромный дефицит работников в этих сферах. Из-за недостатка притока рабочих-мигрантов, услуги для пожилых людей такого рода оказывались бы в большинстве случаев женщинами-домохозяйками, что сказалось бы на их участии в рабочем труде и времени выхода на пенсию [11].

Нация, которая никогда не видела себя в лице «страны мигрантов» вынуждена признать, что иммиграция может быть не только полезна для Германии, но даже необходима. «Стареющая и сужающаяся популяция нуждается в товарах, услугах и в том, кто сможет производить эти товары и предоставлять услуги» - говорит профессор Райнер Муец, который недавно опубликовал свои рекомендации иммиграционному будущему Германии. Он также добавил: «Мы нуждаемся в иммигрантах не в качестве исключительного отхода от нормы, а в качестве новой нормы» [8].

Влияние беженцев и иммигрантов на экономику зависит от того, насколько хорошо они интегрируются в немецкий рынок труда — и это обусловлено многими факторами.

Нельзя отрицать, что успешная интеграция невозможна без знания языка. Получение и сохранение рабочего места, не говоря уже о продвижении по карьерной лестнице, зависит от способности иммигрантов общаться на немецком языке [3]. Тот, кто не говорит на немецком, имеет трудности не только с работой, обучением и установлением контактов с клиентами и коллегами, но также и с освоением специальностей, где требуется относящаяся к специальности лексика [6]. Почти половина беженцев, прибывших в Германию в 2015 году, являются носителями арабского языка. В то время как только 28% опрошенных заявителей на убежище сообщили, что они говорят

по-английски, всего 2% ответили, что они знают немецкий язык. Другими словами, уровень владения немецким языком среди недавно прибывших практически отсутствует [10].

Еще один важный критерий готовности к интеграции — это брачное поведение. Так, например, лишь 3% молодых мужчин и 8% молодых женщин с турецкой иммиграционной историей вступают в брак с немецкими партнерами (у российских немцев, напротив, таких 67%) [1].

Одной из особых проблем нынешней ситуации в Германии является большое число детей школьного возраста среди недавно прибывших беженцев. По оценкам, только в 2014 и 2015 годах в Германию прибыло 325 000 детей в возрасте от 6 до 18 лет. По оценкам правительства, для эффективного школьного обучения детей – беженцев, включая специальные языковые классы или основные классы, преподаваемые не на немецком языке, потребуется дополнительно нанять 20 000 учителей на сумму 2,3 млрд. евро в год [10].

Уровень образования нынешних иммигрантов и беженцев различен и зависит от страны происхождения, однако в целом он ниже уровня образования немцев в Германии. По оценкам немецкого трудового агентства, с начала 2016 года менее половины нынешних беженцев из Афганистана не имели среднего образования. Причина такого низкого уровня образования проста: система образования в Афганистане десятилетиями была парализована войной. Беженцы из Сирии, для сравнения, гораздо больше образованы. Более 50 процентов сирийских беженцев имеют, по крайней мере, среднее образование [10].

По оценкам, 35% иммигрантов, прибывших в Германию в 2015 году, были без опыта работы по специальности. Учитывая средний возраст беженцев в Германии, многие прибывшие сюда люди, возможно, никогда не имели возможности найти работу. Одним из факторов может быть низкий уровень заинтересованности женщин в работе на рынке труда в таких странах, как Афганистан, Пакистан и Сирия [10].

Поскольку многие беженцы прибывают в Германию без документов или свидетельств о наличии профессиональной квалификации, то практическая «оценка навыков» может помочь многим квалифицированным беженцам, не имеющих подтверждающих документов [10]. Так как большинство иммигрантов получают гораздо более неформальную подготовку в иностранных системах образования, которые значительно отличаются от чрезмерно регулируемой немецкой системы, для ускорения

интеграции гораздо большего числа иммигрантов может потребоваться более общая «оценка компетентности», которая в меньшей степени ориентирована на формальную квалификацию. Критики утверждают, что нынешний процесс в настоящее время слишком формализован [5], потому что он не отвечает потребностям иммигрантов, которые, по большей части, не имеют документально подтвержденной квалификации.

Все же, в целом, в последние годы немецкие политики приступили к осуществлению целого ряда стратегий и программ, направленных на решение существующих проблем. Сложно сказать, насколько хорошо они работают, так как многие из этих инициатив все еще находятся в экспериментальной стадии. В связи с этим, некоторые рекомендации относительно улучшения интеграции иммигрантов, которые звучат в ряде экспертных публикаций, вполне уместны.

Во-первых, федеральному правительству следует расширить количество предложений по обучению немецкому языку, в том числе и профессиональному. В первые девять месяцев 2015 г. было проведено более 8000 различных языковых курсов, что на 15% больше показателей предыдущего года, но, учитывая тот факт, что в Германию прибывает все больше иммигрантов, количество курсов должно продолжать увеличиваться. Содействие различных волонтерских организаций также может оказаться весьма полезным [9].

Во-вторых, следует и дальше оказывать и расширять поддержку мигрантам во время сложных процессов признания их рабочей квалификации. Так, например, веб-страница правительства Германии помогает заявителям в поиске нужного учреждения, отвечающего за признание их иностранных дипломов [3]. Также существует пилотный проект «PrototypingTransfer», созданный Федеральным Институтом Профессионального Образования и Обучения (BIBB), который позволяет беженцам, не имеющим письменного удостоверения или диплома, проводить тесты и давать задания для подтверждения их квалификации [14]. Это шаги в правильном направлении, но они должны быть шире, чтобы привлечь больше людей. На данный момент число участников проектов достаточно невелико.

Наконец, даже самые лучшие намерения по улучшению интеграции не смогут осуществиться, если не ограничить рост числа новых иммигрантов, так как многие из них имеют тенденцию спланиваться в группы, а не, наоборот, ассимилироваться [1]. Директивные органы всего политического спектра Германии признают, что ограничение

числа дополнительных въездов желательны для содействия успешной интеграции просителей убежища и беженцев, уже находящихся в Германии [3].

Что же насчет самих беженцев? Пройдя такой долгий и тяжелый путь в Европу, они должны найти в себе мотивацию и желание погрузиться в новую жизнь в культуре, отличающейся от их собственной. Квалифицированные рабочие должны признать, что зачастую им приходится начинать работу в Германии с более низкого уровня. Однако рост, личностный и общественный, никогда не проходит безболезненно. Интеграция — это дорога с двусторонним движением. Как принимающее общество, так и мигранты должны адаптироваться друг для друга. Являются ли иммигранты бременем или благословением для немецкого рынка труда — пока открытый вопрос, но то, что миграция — это явление глобальное и требующее большого внимания в наше время — без сомнений.

Библиографический список:

1. Тило Саррацин. Германия: самоликвидация. Москва: Издательство АСТ, 2016.
2. Anzahl der Zuwanderer nach Deutschland von 1991 bis 2017 question [Electronic resource]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/28347/umfrage/zuwanderung-nach-deutschland/> (Access: 15.12.2018).
3. Burden or Blessing? The Impact of Refugees on Germany's Labor Market question [Electronic resource]. URL: <https://www.aicgs.org/publication/burden-or-blessing-the-impact-of-refugees-on-germanys-labor-market/> (Access: 15.12.2018).
4. Death Spiral Demographics: The Countries Shrinking The Fastest question [Electronic resource]. URL: <https://www.forbes.com/sites/joelkotkin/2017/02/01/death-spiral-demographics-the-countries-shrinking-the-fastest/#1903f0cbb83c> (Access: 15.12.2018).
5. Döring O., Severing E. Anmerkungen zur Erfassung der beruflichen Kompetenzen von Flüchtlingen [Electronic resource] // Berufsbildung. 2016. № 158. Pp. 34-26. URL: <https://www.researchgate.net/publication/301787839> (Access: 15.12.2018).
6. Flüchtlinge – Gewinn oder Risiko für Unternehmen? question [Electronic resource]. URL: <https://www.welt.de/wirtschaft/article150312788/Fluechtlinge-Gewinn-oder-Risiko-fuer-Unternehmen.html> (Access: 15.12.2018).
7. Germany's population by 2060 question [Electronic resource]. URL: https://www.destatis.de/EN/Publications/Specialized/Population/GermanyPopulation2060_5124206159004.pdf?__blob=publicationFile (Access: 15.12.2018).
8. Germany's immigration revolution question [Electronic resource]. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/1422007.stm> (Access: 15.12.2018).
9. Geschäftsstatistik zum Integrationskurs 2017 question [Electronic resource]. URL: <http://www.bamf.de/DE/Infothek/Statistiken/InGe/inge-node.html> (Access: 15.12.2018).
10. Lessons From Germany's Refugee Crisis: Integration, Costs, and Benefits question [Electronic resource]. URL: <https://wenr.wes.org/2017/05/lessons-germanys-refugee-crisis-integration-costs-benefits> (Access: 15.12.2018).
11. MIGRATION – CHALLENGES AND POLICIES question [Electronic resource]. URL: <https://www.cesifo-group.de/DocDL/dicereport411-forum1.pdf> (Access: 15.12.2018).

12. Migration History in Germany question [Electronic resource]. URL: <https://www.domid.org/en/migration-history-germany> (Access: 15.12.2018).
13. Population, ageing and immigration: Germany's demographic question [Electronic resource] // World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2017/04/population-ageing-and-immigration-germanys-demographic-question/> (Access: 15.12.2018).
14. Recognition of professional qualifications by way of qualification analysis [Electronic resource]. URL: <https://www.bibb.de/en/26147.php> (Access: 15.12.2018).

Oleshchenko E.A. **Immigrants in german society: demographic expectations and challenges of integration**

The article examines demographic problems of the modern German society and the possibility to solve them with an open immigration policy. The problem of difficulties of integration in Germany is raised. Shown possible solutions for this problem.

Keywords: immigration, Germany, the demographic decline, Europe, integration, assimilation